

★

П. ВЯЗЕМСКИЙ

С Т А Р А Я
ЗАПИСНАЯ КНИЖКА

Редакция
и примечания
Л. ГИНЗБУРГ

Издательство
писателей
в Ленинграде

19 29

★

1

Вяземский цитирует стихи из послания к Оленину 1804 г.

Россу только можно
Отечества представить дух...
И впрямь: огромность исполнина
Кто облечет, кроме сына
Его и телом и душой?..
Нам тесен всех других покров.

3

Ода „Ключ“, написанная Державиным в 1779 г., посвящена Хераскову, только-что издавшему тогда огромную эпическую поэму „Россиада“. Ключ, воспетый Державиным, находился в Гребеневе, подмосковном имении Хераскова.

8

Каверин Павел Никитич — отец друга Пушкина. Архаров Николай Петрович (1742 — 1815) занимал при Екатерине II должность московского полицмейстера.

10

В 1762 г., по окончании казанской гимназии, восемнадцатилетний Державин вступил рядовым в Преображенский полк. Только десять лет спустя он получил первый офицерский чин. В „Записках“ Дмитриева читаем: „Отец его, хотя был не из бедных дворян, но, по тогдашнему обыкновению, при отпуске сына не слишком наделил его деньгами, почему он и принужден был пойти на хлеба к семейному солдату: это значило иметь с хозяином общий обед и ужин за условленную цену и жить с ним в одной светлице, разделенной перегородкою“. (Соч. И. И. Дмитриева. Пб. 1893 г., т. II, стр. 43).

Бакунин — друг Державина, Капниста и Львова, составлявших дружеский кружок.

Барков — порнографический поэт XVIII века. Огромное рукописное собрание, известное под именем „Барковианы“, включает наряду с произведениями, принадлежащими Баркову, множество ему приписанных. Пушкин писал в 1825 г.: „Все возмутительные рукописи ходят под моим именем, как все похабные — под именем Баркова“.

Записки И. И. Дмитриева, под заглавием: „Взгляд на мою жизнь“, были впервые напечатаны в IX т. собрания его сочинений, 1823 г. В введении Дмитриев говорит, что приступил к запискам „с лишком шестидесяти лет от роду“.

Салтыков, князь Николай Иванович (1736 — 1816), фельдмаршал, воспитатель Александра I, с 1812 г. председательствовал в Государственном совете и Комитете министров.

Измайлов Александр Ефимович (1779 — 1831) — писатель и журналист.

С 1818 г. по 1827 г. издавал журнал „Благонамеренный“, в котором держал себя с читателями по-домашнему. Как-то он объяснил большое запоздание в выходе очередного номера журнала тем, что

На праздниках гулял,
Забыв жену, детей,
Не только-что журнал.

Это было подхвачено противниками. Боратынский в послании 1823 г. к Гнедичу говорит об Измайлове, выведенном под именем Сапайлова:

Тобой предупрежден листок твоих читателей,
Что любит подгулять почтенный их издатель.

За этими бытовыми намеками стоял и чисто литературный смысл: Измайлов как прозаик отличался крайним натурализмом, а как баснописец — подчеркнутой грубостью языка.

Вяземский в четырех словах дает характеристику, опирающуюся на традиционно установившийся литературно-бытовой образ Измайлова, неоднократно всплывавший в тогдашней шуточной литературе.

Воейков писал в своем „Доме сумасшедших“:

Вот Измайлов — автор басен,
Рассуждений, эпиграмм;
Он пишет мне: „Я согласен,
Я писатель не для дам.
Мой предмет: носы с прыщами;
Ходим с музою в трактир
Водку пить, есть лук с сельдями...
Мир квартальных — вот мой мир“.

У Вигеля находим замечание, почти дословно совпадающее с характеристикой Вяземского:

„Между ними была та разница, что Крылов умел облагораживать простой язык, а этот (Измайлов) сохранял ему всю первобытную нечистоту. Одним словом — и все в том соглашались — это был Крылов навеселе, зашедший в казарму, в харчевню или в питейный дом“.

Храповицкий Александр Васильевич (1749 — 1801) — статс-секретарь Екатерины II и дилетант-литератор. Помимо своей официальной должности он выполнял при Екатерине обязанности литературного секретаря.

Г. Г. Политновский (р. 1770 г.) — сенатор, член „Беседы“.

А. Н. Салтыков — сын фельдмаршала.

Козодавлев Осип Петрович — государственный деятель и литератор. В кружке Вяземского-Тургеневых Козодавлев в той и другой области пользовался репутацией бездарности. В должности министра внутренних дел (с 1810 г.) Козодавлев заинтересовался вопросами отечественной промышленности. В частности, он настаивал на разведении кунжута, стремясь заменить кунжутным маслом оливковое. В 1819 г. по поводу смерти Козодавлева Вяземский писал А. И. Тургеневу: „Я спрашиваю у Булгакова, правда ли, что Козодавлева уже соборovali кунжутным маслом?“

Первая книжка „Сына Отечества“ вышла в 1812 г. „Освобождение Москвы“ написано Дмитриевым в 1795 г. Это историческая элегия, в которой речь идет об освобождении Москвы во времена Минина и Пожарского.

Блудов Дмитрий Николаевич (1785 — 1864), с 1842 г. граф. Сделавший при Николае I и Александре II блестящую служебную карьеру (вплоть до должности председателя Комитета министров), Блудов в молодости принимал деятельное, хотя и дилетантское, участие в современном ему литературном движении. Ближайший последователь Карамзина, друг Вяземского, Жуковского, Тургеневых, В. Пушкина, он был одним из основателей и ревностных членов Арзамаса.

При этом Блудов почти ничего не писал и ничего не печатал из написанного. В дружеском кружке ему принадлежала роль арбитра хорошего вкуса. Впоследствии Вяземский вспоминал: „Тургенев (А. И.) в литературе принадлежал к пуританской школе, которой, между нами, главным представителем был Блудов“. Крайняя шепетильность в стилистических вопросах сближала литературное мировоззрение Блудова с поэтикой французского классицизма. В одном письме Пушкин называет его „маркизом“.

В Лайбахе собирався конгресс „Священного Союза“ монархов, основанного Александром и Меттернихом для „умиротворения“ Европы, взбодраженной революционными и бонапартистскими идеями.

Толстой, граф Федор Иванович (1782 — 1846). Не будучи литератором, принадлежал к дружескому кружку, который составляли Вяземский, Жуковский, Денис Давыдов, Батюшков, В. А. Пушкин. Скандальные похождения, дуэли, азартная игра создали вокруг имени Толстого легенду.

Вигель в своих „Записках“ рассказывает: „Мы... увидели вошедшего к нам офицера в преображенском мундире: это был граф Т., доселе столь известный под именем Американца. Он делал путешествие вокруг света с Круаэнштерном и Резановым, со всеми перессорился, всех перессорил, как опасный человек был высажен на берег в Камчатке и сухим путем возвращался в Петербург. Чего про него не рассказывали! Будто бы в отрочестве имел он страсть ловить крыс и лягушек, перочинным ножом разрезывать им брюхо и по целым часам тешить их смертельной мукою; будто бы во время мореплавания, когда только начинали чувствовать некоторый недостаток пищи, любезную ему обезьяну женского

пола он застрелил, изжарил и съел; одним словом, не было такого зверя, с коего неустрашимостью и кровожадностью не сравнивали бы его наклонностей. Действительно, он поразил нас своею наружностью; природа на голове его круто завила густые черные его волосы; глаза его, вероятно от пыли и жара покрасневшие, нам казались налитыми кровью; почти же меланхолический его взгляд и самый тихий говор его казался омутом настрашенным моим товарищам“.

Довольно сходную характеристику находим в „Былом и Думах“ Герцена, который знал Толстого в старости. Между прочим Герцен рассказывает о том, как Американец, „в доказательство меткости своего глаза, велел жене стать на стол и прострелил ей каблук башмака“ (Герцен, Пб. 1905 г., т. II, стр. 181).

В 1820 г. Пушкин, имевший столкновение с Толстым, отомстил ему известной эпиграммой:

В жизни мрачной и презренной
Был он долго погружен;
Долго все концы вселенной
Осквернял развратом он.
Но, исправясь понемногу,
Он загладил свой повор,
И теперь он, слава богу,
Только-что картежный вор.

Та же тема использована в „Горе от ума“, где Толстой упоминается в монологе Репетилова:

Но голова у нас, какой в России нету,
Но надо называть, узнаешь по портрету:
Ночной разбойник, дуэлист,
В Камчатку сослан был, вернулся алеутом,
И крепко на руку нечист;
Да умный человек не может быть не плутом...

Значительно более героический образ Американца дает Вяземский в послании к нему 1818 г.

Американец и цыган,
На свете нравственном загадка,
Которого нам лихорадка,
Мятежных склонностей дурман
Или страстей кипящих схватка
Всегда из края мечет в край,
Из рая в ад, из ада в рай.
Которого душа как пламень,
А ум холодный вгонит;
Под бурей рока — твердый камень,
В волненьи страсти — легкий лист.

К тому же любопытным ужом
Умешь всем речам внимать:
Возвышенным же если духом,
Подчас ты удивишься знать,
Зато ты граф природный брюхом
И всем сиятельным подстать.
Ты знаешь цену Кондильяку,
В Вольтере любишь шутку дар
И платишь сердцем дань Жан-Жаку,
Но хуже ль лучших наших бар
Ценить умешь кулебяку
И жирной стерляди равар?

О кухне речь — о знаменитый
Обжор властитель, друг и бог!
О, если сочный и улитый
Достойным быть мой стих бы мог
Твоей щедроты плодотворной,
Приправь и разогрей мой слог,
Пусть будет он, тебе угодный,
Душит, как с трюфлями пирог,
И вкусен, как каплуи дородный.

Давыдов Денис Васильевич (1784 — 1839) — гусарский офицер, поэт, военный писатель и мемуарист, прославился в 1812 г. в качестве организатора и предводителя партизанских отрядов. Как поэт, Давыдов был близок к школе Батюшкова-Жуковского (в Арзамас принят в 1816 г.). Пушкин был поклонником литературной манеры Давыдова. Есть свидетельство о том, что Пушкин отзывался о Давыдове: „он дал мне почувствовать, что можно быть оригинальным“ (Пушкин, акад. изд., т. III, прим. стр. 68). А по словам Вяземского, Пушкин говорил, что подражал Давыдову „в кручении стиха“. В послании 1836 г. к Давыдову (при послышке „Истории Пугачевского бунта“) Пушкин писал:

Наседник смиренного Пегаса,
Носил я старого Парнаса
Из моды вышедший мундир:
Но и по второй службе трудной,
И тут, о мой наседник чудный,
Ты мой отец и командир.

У Вяземского имеется ряд стихотворных обращений к Давыдову. К 1823 г. относится послание:

Анакреон под доломаном,
Поэт, рубака, весельчак,
Ты с лирой, саблей иль стаканом
Равно не попадешь впросак.
Носи любви и Марсу дани,
Со славою крепко твой союз.
В день брани — ты любитель брани,
В день мира — ты любитель муз.
Душа, двойным огнем согрета,
В тебе не может охладеть:
На пламенной груди поэта
Георгия приятно зреть.
Воинским соблазнам примером,
Когда б Парнас давал кресты,
И Аполлона кавалером
Давно, конечно, был бы ты.

В повднейшем стихотворении Вяземского, посвященном Давыдову, читаем:

Про вино ли, про свой ус ли,
Или прочие грехи
Речь заводишь: словно гусан
Разыграются стихи.

Чорт ли в тайнах идеала,
В романтизме и луе —
Как усатый запевала
Запоет о старине!

Буйно рвется стих твой пылкий,
Словно пробка в потолок
Иль Мюста из бутылки
Брызгает холодный кипяток.

Эту свою литературную личность военного кутилы и „случайного“ поэта Давыдов сам тщательно поддерживал и культивировал в разработанном им жанре „удалых“ стихотворений:

А завтра — чорт войми — как зюва натянуса;
На тройке ухарской стрелою полечу;
Проспавшись до Твери, в Твери опять напьюся,
И пьяный в Петербург да пьянство прискачу!
Но если счастье назначено судьбою
Тому, кто целый век со счастьем незнаком,
Тогда . . . о, и тогда напьюсь спиной свињью,
И с радости пропью прогоны с кошельком!

(1818 г.).

На том же принципе построена замечательная автобиография Дениса Давыдова, написанная в третьем лице:

„Давыдов не много писал, еще менее печатал; он по обстоятельствам из числа тех поэтов, которые довольствовались рукописною или карманною славою . . .

„Большая часть стихов его пахнет бивуаком. Они были писаны на привалах, на дневках, между двух дежурств, между двух сражений, между двух войн; это пробные почерки пера, чинимого для писания рапортов начальникам, приказаний подкомандующим . . . Как бы то ни было, он обескадронил все, что мог, из своей сволочи и представляет команду эту на суд читателя, с ее странною поштупью (allure), с ее обветшалыми хватками, в ее одежде старомодного покроя, как кагульских, как очковских инвалидов-героев — новому поколению забалканских и варшавских победителей“. (Соч. Д. И. Давыдова, Спб. 1895 г., т. I, стр. 8—9).

Давыдов послужил Толстому в „Воине и мире“ прототипом для Денисова.

23

Румянцев, граф Николай Петрович (1754 — 1826) — государственный деятель и любитель русской истории, составивший книжное собрание, которое легло в основу московского „Румянцевского“ музея. В 1807 г. Румянцев занимал должность министра иностранных дел, а в 1809 получил звание канцлера.

24

Екатерина II мечтала отнять Грецию у Турции и посадить на византийский престол второго сына Павла, которому и дано было имя Константин. Дмитрий Дмитриевич Курута, родом грек, был с детства приставлен к Константину Павловичу для обучения новогреческому языку. Курута сделался доверенным лицом Константина и впоследствии управлял его польским двором.

28

Библейское общество, основанное в 1812 г., явилось одним из симптомов тех религиозно-мистических настроений, которые господствовали в правящих кругах во всю вторую половину царствования Александра I. Знаменитый в свое время проповедник московский митрополит Филарет был одним из деятельных членов общества.

Вяземский, как и все младшие карамзинисты, считал И. И. Дмитриева, наряду с Карамзиным, реформатором русского стиля в смысле приближения его к простоте и легкости разговорного языка. Одним из наиболее характерных стилистических опытов Дмитриева в этом направлении была небольшая шуточная сказка „Модная жена“, напечатанная в 1792 г.

29

Для вынесения приговора по делу декабристов в июне 1826 г. был учрежден верховный уголовный суд в составе членов Государственного совета, Сената и Синода.

Разряды преступлений были установлены на основании особой записки, которая начиналась следующим образом:

Верховному Уголовному Суду

От комиссии, избранной для основания разрядов,

Донесение.

Все разнообразные части сего обширного дела в совокупном их обозрении представляют один главный умысел: умысел на потрясение империи . . .

Три средства, три главные рода злодеяний предполагаемы были к совершению сего умысла: 1) Цареубийство. 2) Бунт. 3) Мятеж воинский. Виды преступлений. Каждый из сих главных родов влечет за собою длинный ряд преступлений.

К первому роду принадлежат вообще: 1) Знание. 2) Согласие. 3) Вызов к совершению; в подробности же сюда принадлежат следующие виды и т. д.

Основание разрядов. Ясно, что к основанию разрядов нет другого средства, как соединение сих видов в каждом роде преступлений соразмерно их тяжести. Тот, кто виновен во всех трех родах преступлений, соединя в себе первые виды в каждом, без сомнения, должен занимать первое место. За ним следуют те, кои найдены виновными в двух только родах, соединя в себе первые их виды, но коих вина в третьем роде или ниже первых, или совсем не существует и т. д.

19 июля 1826 г. Вяземский записал в дневнике: „ . . . 13-ое число (т.-е. 13 июля 1826 г. — день казни пяти декабристов А. Г.) жестоко оправдало мое предчувствие. Для меня этот день ужаснее 14-го“.

Шаховской, князь Федор Петрович, уже в 1819 г. совершенно отделился от тайного общества, к которому принадлежал, следовательно не мог принимать никакого участия в революционных замыслах декабристов. Несмотря на это он был сослан в Сибирь, где впал в религиозное помешательство. Шаховской окончила жизнь в 1829 г. в Суздальском монастыре, куда его отправили „для содержания под строгим надзором“.

31

Витгенштейн командовал в это время второй (южной) армией, в штабе которой служили многие декабристы.

34

Нелединский Юрий Александрович (1751 — 1828) — сенатор и поэт, известный в свое время песнями „в народном духе“.

35

Уваров Федор Петрович (1769 — 1824) — генерал, член Государственного совета. Уваров — один из убийц Павла I, пользовался неизменным благоволением его преемника. Пушкин 8 марта 1834 г. записал

в Дневнике: „На похоронах У. пок[ойный] государь следовал за гробом. Аракчеев сказал громко (кажется А. Орлову): „Один царь здесь его провожает, каково-то другой там его встретит“. („Дневник Пушкина“, Гиз. М.-Л. 1923 г., стр. 46).

Далее читаем: „Пок[ойный] гос[ударь] окружен был убийцами своего отца. — Вот причина, почему при жизни его никогда не было бы суда над молодыми заговорщиками, погибшими 14 декабря. Он услышал бы слишком жестокие истины“. (Там же, стр. 10).

36

Воейков Александр Федорович (1778 — 1839) — поэт и журналист. Имел репутацию желчного сатирика и неисправимого литературного скандалиста. Самые рискованные аферы сходили Воейкову с рук благодаря его дружеской и родственной близости к Жуковскому, именем которого он прикрывался. Н. Греч в своих воспоминаниях, рассказывая о некоторых проделках Воейкова, добавляет, что в таких случаях, вместо того, чтобы послать за полицмейстером, посылали за Жуковским, который извинялся и давал обещание унять Воейкова.

Последующие поколения знали Воейкова главным образом как автора стихотворной сатиры „Дом сумасшедших“, в которой он под видом помешанных вывел государственных деятелей и литераторов всех партий и направлений. „Дом сумасшедших“, разрастаясь и варьируясь, создавался с 1814 г. по 1838. Он расходился в многочисленных списках, напечатан же был впервые только через 20 лет после смерти автора. В 1836 г. Вяземский, посылая А. И. Тургеневу некоторые строфы „Дома сумасшедших“, писал:

„Не поподчевать ли тебя стишками а l'eau de rose [на розовой воде] приятеля твоего Воейкова? Это отрывки из его „Дома сумасшедших“. Так Русью и пахнет!“

(Дальше следует большая цитата).

„La rouille y est. Вот верный очерк нашей литературы...“

„Не знаю, полезу ли я для тебя в огонь и в воду, но что полезу для тебя в г... ты имеешь тому доказательство при этом усердном приношении“.

Прозаическая сатира, о которой говорит Вяземский, писалась в 1818—1820 гг. (Следовательно Вяземский дает неправильную хронологию). Точное ее заглавие: „П а р н а с с к и й а д р е с - к а л е н д а р ь, или Роспись чиновных особ, служащих при дворе Феба и в нижних земских судах Геликона, с краткими замечаниями об их жизни и заслугах. Собрано из достоверных источников, для употребления в благошляхетном Арзамаском обществе“.

Календарь включает 50 имен современных литераторов. Параграфы 13-й и 14-й гласят:

„М е р з л я к о в, А. Ф. — придворный карапузик, великий раздаватель галиматий.“

„К о к о ш к и н, Ф. Ф. — служит знаком удивления при великом раздавателе галиматий“.

Мерзляков Алексей Федорович (1776 — 1830) — профессор Московского университета, критик, поэт и переводчик. В качестве теоретика литературы имел репутацию (не вполне справедливую) старовера и завязатого „классика“.

К о к о ш к и н Федор Федорович (1773 — 1833) — переводчик и театральный, с 1823 по 1831 г. занимал должность управляющего Московским театром; вокруг него группировались литераторы, так или иначе тяготевшие к „шишковству“: Шаховской, С. Т. Аксаков, Писарев, М. А. Дмитриев и др.

38

П л а т о в Матвей Иванович (1751 — 1818) — генерал, знаменитый атаман донских казаков, особенно прославившийся во время войн с Наполеоном.

39

В 1812 г. считали, что адмирал Чичагов, преследовавший французские войска, мог захватить в плен самого Наполеона и его гвардию, но упустил момент и дал французам возможность переправиться через Березину.

В 1814 г. Чичагов навсегда покинул Россию.

43

Имя Тредьяковского стало традиционным объектом литературных шуток и синонимом претенциозной бездарности. За всем этим проглядели значение научной деятельности Тредьяковского. Долго никто не замечал, что в области теории русского стихосложения Тредьяковский впервые высказал ряд положений, которые были впоследствии подхвачены и развернуты Ломоносовым. Вяземский один из первых пересмотрел этот вопрос.

45

В 1831 г., в разгаре борьбы „Литературной Газеты“ издававшейся Дельвигом, при поддержке „литературных аристократов“ — Жуковского, Пушкина, Вяземского, Боратынского, против изданий Греча и Булгарина, Вяземский из Остафьева пишет Пушкину: „Кинь это в „Литературную Газету“. В конце длинной статьи, написанной в защиту и в оправдание Булгарина, критикованного „Телескопом“, г-н Греч говорит:

„Я решился на сие не для того, чтоб оправдать и защищать Булгарина, который в этом не имеет надобности, ибо у него в одном мизинце больше ума и таланта, нежели во многих головах редвезентов“.

„— Жаль же, — сказал один читатель, — что Булгарин не одним мизинцем пишет“.

„А если хочешь, дай другой оборот этому. Во всяком случае на этом мизинце можно погулять и хорошенько расковырять им гузно. Что за лакей!“

„Твое замечание о мизинце Булгарина не пропадет, — отвечает Пушкин, — обещаюсь тебя насмешить...“

Вскоре Пушкин, полемизировавший с „братьями-разбойниками“ под псевдонимом „Феофилакта Косичкина“, поместил статью: „Несколько слов о мизинце г. Булгарина и о прочем“, где между прочим писал: „Пологаю себя в праве объявить... что я ничьих мизинцев не боюсь; ибо, не входя в рассмотрение голов, уверяю, что пальцы мои (каждый особо и все пять в совокупности) готовы воздать сторицею кому бы то ни было“.

47

М е т т е р н и х, князь (1773 — 1859) — знаменитый австрийский дипломат, с 1809 г., в течении 38 лет, бессменно занимавший пост министра

иностранных дел. После падения Наполеона Меттерних приобрел огромное влияние на международную политику и сделался главным оплотом и вдохновителем европейской реакции. В 1814 г. в Вене под председательством Меттерниха собрался конгресс, на котором представители правительств победивших наций решали судьбы Европы.

48

„La maman“ [маменька] — мать Александра I, императрица Мария Феодоровна, отличавшаяся особой приверженностью к мелочам придворного этикета.

49

Талеян (1754 — 1838) — знаменитый французский политический деятель и дипломат, с одинаковым блеском и беспринципностью служивший революции, Наполеону и Бурбонам.

Вяземский сам был страстным игроком, проигравшим в молодости большую часть своего наследственного состояния.

51

Весьма вероятно, что здесь речь идет о лице, арестованном по подозрению в подстрекательстве к „холерным бунтам“. В 1831 г. Вяземский пишет Пушкину: „Здесь кто-то был призван в суд „за оскорбительные слова насчет холеры“. Это не шутка, а факт“.

57

С 1803 г. по 1807 русским министром иностранных дел был Адам Чарторийский (1770 — 1861), друг молодости Александра I и участник либеральных начинаний первых лет его царствования. Впоследствии Чарторийский проявил себя как горячий польский патриот; во время польского восстания 1830 г. он занял пост президента Сената и национального правительства, вследствие чего вынужден был навсегда эмигрировать из России.

С 1816 по 1822 г. дипломат Каподистрия, уроженец о-ва Корфу, занимал пост русского министра иностранных дел и оказывал влияние на европейскую политику Александра. Впоследствии Каподистрия принял участие в деле национального возрождения Греции, и в звании президента греческого правительства был в 1831 г. убит представителями враждебной ему политической партии.

62

Бернадот — один из маршалов империи, которого Наполеон посадил на шведский престол.

65

В. А. Пушкин как завятый арзамасец и карамзинист должен был нетерпимо относиться к Катенину — младшему „шишковисту“ и „беседовцу“.

Предсмертные слова В. А. засвидетельствованы и А. С. Пушкиным, в сентябре 1830 г., недели через три после смерти дяди, писавшим Плетневу: „Бедный дядя Василий! Знаешь ли его последние слова? Приезжаю к нему, нахожу его в забытьи; очнувшись он узнал меня, погоревал, потом помолчал: „как скучны статьи Катенина!“ и более ни слова. Каково? вот что значит умереть честным воином, на щите, le cri de guerre a la bouche! [с боевым кличем на устах].“

В другом месте „Записных Книжек“ Вяземский пишет о смерти знаменитого театрала кн. Гюфлякина: „Князь очень страдал и страданиями был ослаблен. Завидя Верона, он с трудом выговорил: „А Плонкет (известная танцовщица) танцует ли сегодня?“

Вот, можно сказать, автонадробное слово, которое произнес над собою наш соотечественник, впрочем человек любезный, бывший некогда директором императорских театров в России...

... А вот еще историческое предсмертное слово. „Как скучен Катенин!“ — воскликнул В. А. Пушкин умирающим голосом. Это исповедь и лебединая песнь литератора старых времен, т. е. литератора присяжного, литератора прежде всего и выше всего. (С. с., т. VIII, стр. 260—261).

„Автонадробное слово присяжного литератора“ оставил после себя и Вяземский. Вот последние слова, вписанные им в 1877 г. в „Записную Книжку“: „Поэт, великий поэт Державин опускается нередко до Хвостова, если не ниже. Хемницер иногда вял и пуст до пошлости...“

Издатель делает подстрочное примечание: „Эти строки написаны карандашом, дрожащим почерком, во время предсмертной болезни автора и были его последними строками“. (X, 296).

Упоминаемый в перечислении лиц, присутствовавших при погребении, Михаил Александрович Дмитриев, критик и поэт, был племянником Ив. Ив. Дмитриева и получил от Вяземского прозвище лже-Дмитриева. М. А. Дмитриев был близок к архаистическим литературным группировкам и считал себя защитником так наз. русского „классицизма“. В 1824 г. между Вяземским и Дмитриевым завязалась знаменитая полемика вокруг „Бахчисарайского фонтана“ Пушкина и „романтического направления“ вообще. В мае 1824 г. Вяземский писал А. И. Тургеневу:

„Куда ни обернись, все Михайлы Дмитриевы разных мастей, все глупцы, сплетники, подлецы!.. Вся Москва исполнена нашей брани. Весь Английский клуб научили читать по моей милости. Есть здесь один князь Гундаров, охотник до лошадей и сам мерин преисправный и к тому же какой-то поклонник Каченовского. Читая в газетной мою передовую статью, останавливается он на выражении бедные читатели и каким-то глухим басом, ему свойственным, спрашивает, обращаясь к присутствующим: „Это что значит? Почему же князь Вяземский почитает нас всех бедными: может быть в числе читателей его найдутся и богатые. Что за дерзость!“ Иван Иванович (Дмитриев) был свидетелем этой выходки и представлял мне ее в лицах. Он племянника своего уже не принимает к себе и говорит: „Пусть будет он племянником моего села, а не моим“. Мне хочется предложить ему, чтобы, напротив: оставил он его своим племянником, а меня признал бы за племянника наследства своего“.

Анна Львовна — любимая сестра В. А. Пушкина. В 1825 г. А. С. Пушкин прислал Вяземскому из Михайловского сочиненную им и Дельвигом элегию на смерть Анны Львовны.

Ох, тетенька, ох Анна Львовна,
Василья Львовича сестра!
Была ты к маменьке любовна,
Была ты к папеньке добра,
Была ты Лизаветой Львовной
Любима больше серебра;
Матвей Михайлович как кровный
Тебя встречал среди двора.

Давно ли с Ольгой Сергеевой,
Со Львом Сергеевичем давно ль
Как бы на смех судьбины гневной
Ты раздала хлеб да соль?
Увы! зачем Василий Львович
Твой гроб стихами обмочил
Или зачем, подлец попович,
Его Красовский пропустил!

(Я да Дельви́г).

Вяземский отвечает: „Если: Ах, тетушка! Ах, Анна Львовна! — попадетя на глаза Василью Львов., то заготовь другую песню, потому что он верно не перенесет удара“.

Месяца через два Пушкин в письме к Вяземскому опять возвращается к этой теме:

„Ради бога, докажи Василию Львовичу, что злегла на смерть Анны Львовны не мое произведение, а какого-нибудь другого беззаконника. Он восклицает: „а она его сестре 15.000 оставила!..“ Дело в том, что конечно Дельви́г более виноват, нежели я. Похлопочи обо мне, душа моя, как о брате:

Сатирик и поэт любовный,
Наш Аристид и Асмодей,
Ты не племянник Анны Львовны,
Покойной тетушки моей
Писатель нежный, тонкий, острый,
Мой дялюшка — не дядя твой,
Но, милый, Музы наши сестры.
Итак, ты все же братец мой.

Variante: „Василий Львович тонкий, острый“.

Анна Николаевна — сожительница В. Л., из-за которой его жена (известная красавица К. М. Вышеславцева) еще в 1862 г. просила развода, ссылаясь на „прелюбодейную связь мужа с вольноотпущенною девкою“.

67

1830 г. был отмечен страшной холерной эпидемией, которая была занесена из Азии и быстро распространилась по средней и северной России. Паническое и суеверное отношение населения, о котором говорит Вяземский, происходило как под влиянием усиленных полицейских мер, принимаемых для предотвращения заразы (карантины, кордоны и т. д.), так и, в особенности, оттого, что холера была совершенно новой, неизвестной в этой полосе России, болезнью. Пушкин, застрявший в это время в Болдине, пишет Плетневу: „Около меня Колера Морбус. Знаешь ли, что это за зверь? Того и гляди, что забежит он в Болдино да всех нас перекусает...“

Сохранилась пушкинская „Записка о холере“, в которой он рассказывает, что в конце 1825 г. в Тригорском „дерптский студент“ (то есть А. Вульф) сказал ему: — „Холера-морбус подошла к нашим границам, и через пять лет будет у нас.— О холере имел я довольно темное понятие... Студент объяснил мне, что холера есть повітріе, что в Индии она поразила не только людей и животных, но и самые растения, что она железною полоскою стелется вверх по течению рек, что, по мнению некоторых, она зарождается от гнилых плодов и прочее — все, чему после мы успели наслышаться.“

„Таким образом, в дальнем уезде Псковской губернии молодой студент и ваш покорный слуга, вероятно одни во всей России, беседовали о бедствии, которое через пять лет сделалось мыслию всей Европы“.

Эта заметка свидетельствует о том, насколько туманны и фантастичны были представления о холере, существовавшие даже в наиболее образованных слоях общества.

Там же ужасом перед никогда невиданным, непонятным бедствием отмечено все относящееся к холере 1830 г. в „Рассказах бабушки“ (Янковой), записанных ее внуком Д. Благово: „... Князь Владимир Волконский... приехал раз вечером и говорит мне: „Знаешь ли, сестра, говорят, что у нас в Москве неблагополучно; появилась какая-то новая болезнь, называемая холерой: тошнота, рвоты, кружение головы, иногда сильное расстройство желудка, корчи, и в несколько часов человек умирает. Об этом поговаривают в Английском клубе“ („Рассказы бабушки“, Пб, 1885 г., стр. 433).

Там же приводится отрывок из письма того времени:

„Милый друг мой Грушенька, приезжай скорей в Москву: нас посетил гнев божий, смертоносное повітріе, которое называется холерой. Смертность ужасная: люди мрут как мухи“ (Ibid., стр. 1 — 2).

При таких обстоятельствах не удивительно, что в народе могла зародиться уверенность, что мор происходит от отравы, которую „лекаря из немцев“ подсыпают в продукты и особенно в колодцы. В Петербурге дело кончилось холерным бунтом, при котором толпа растерзала нескольких врачей. Николай I счел нужным лично приехать на Сенную площадь для успокоения народа.

Несчастные 14-го — декабристы.

Остафьево — подмосковное имение Вяземского, в котором П. А. Вяземский с семьей укрывался от холеры.

68

Вяземский читал „Записки о жизни и службе А. И. Бибикова“, написанные сыном его, сенатором Бибиковым. Спб. 1817 г.

Панин Никита Иванович (1718 — 1783) — дипломат; с 1860 г. воспитатель цесаревича Павла Петровича.

Панин навлек на себя подозрение в „конституционном“ образе мыслей. Благодаря своей твердости он сумел удержать за собой высокое положение несмотря на тайное недоброжелательство Екатерины.

Нессельроде, граф Карл Васильевич (1780 — 1862) — с 1816 г. стоял во главе Министерства иностранных дел.

Игравший большую роль в царствование Николая I, Нессельроде пользовался единодушной ненавистью русского общества, считавшего его мелочным и беспринципным политиком. Вяземский намекает на несчастливо малый рост министра, служивший постоянным предметом шуток. Ф. Тютчев в 1850 г. начинает стихотворный памфлет, направленный против Нессельроде, строфой:

Нет, карлик мой, трус беспримерный,
Ты, как ни жмись, как ни трусь,
Своей душою маловерной
Не соблазнишь святыю Русь...
И т. д.

Сарепта — немецкая колония поблизости от Саратова.

Взятие Варшавы было последним актом подавления польского восстания 1831 г. В отношении Вяземского к этому событию в скрытом виде сказались его польские симпатии, которые в свое время стоили ему всей его служебной карьеры. Служивший при Новосильцеве правителем канцелярии наместника Царства польского, в. к. Константина Павловича, Вяземский был принужден в 1818 г. выйти в отставку по желанию великого князя, которому были представлены перехваченные письма Вяземского с резкой критикой русской политики в Польше, нарушавшей все конституционные гарантии, данные полякам.

В 1831 г. вышла книжечка, содержащая пушкинское „Клеветникам России“ и Жуковского: „Русская песнь на взятие Варшавы“. В словах о „поэзии бомб и палисадов“ Вяземский намекает на две строфы из „Песни“ Жуковского:

Чу! как пламенные тромбы,
Поднялися и летят
Наши мстительные бомбы
На кипящий бунтом град.

.....
Что нам ваши палисады,

и т. д.

О влиянии дворца на Жуковского, по должности учителя сначала в. к. Александры Федоровны, потом наследника, принужденного жить в придворной атмосфере, Вяземский говорит уже в письмах 1820-21 г. к А. И. Тургеневу:

„Я боюсь за Жуковского... он перенесет свою Аркадию во дворец и возвратится с тем же беспечием, с тем же, смею сказать, отсутствием мужества, достойного его таланта... Жуковский тоже Дон-Кихот в своем роде, он помешался на душевное и говорит с душами в Аничковском дворце, где души никогда не водились“.

„Конечно, у Жуковского все души и все для души. Но душа, свидетельница настоящих событий, видя эшафоты, которые громоздятся для убийства народов, для зарезанья свободы, не должна и не может теряться в идеальности Аркадии“.

Убеждение Вяземского в том, что литература есть „выражение общества“, побуждает его требовать от поэта полной идеологической ответственности. Постановка вопроса в значительной мере чуждая Пушкину. Еще в 1822 г. Вяземский писал Тургеневу:

„Я написал кое-что о „Кавказском пленнике“... Мне жаль, что Пушкин окровавил последние стихи своей повести. Что за герои Котляревский, Ермолов? Что тут хорошего, что он

Как черная зараза,
Губил, ничтожила племена?

От такой славы кровь стынет в жилах, и волосы дыбом становятся. Если мы просвещали бы племена, то было бы что воспеть. Поэзия не союзница палачей; политике они могут быть нужны, и тогда суду истории решить, можно ли ее оправдывать или нет; но гимны поэта не должны

быть никогда славословием резни. Мне досадно на Пушкина: такой восторг — настоящий анахронизм. Досадно и то, что, разумеется, мне даже о том и намекнуть нельзя будет в моей статье. Человеческое и нравственное чувство мое покажется движением мятежническим и бесовским внушением в глазах наших христолюбивых цензоров“.

В сентябре 1831 г. Вяземский, быть может не без умысла, пишет Пушкину:

„Дмитриеву минуло вчера 71 год... Вчера утром приходит к нему шинельный поэт и вынимает из-за пазухи тетрадь, поздравляет его. Дмитриев, занятый мыслью о дне своего рождения, спрашивает его: „А почему вы узнали?“ — Шинельный поэт заминаясь и наконец говорит: „Признаться, вчера в газетах прочел“. Дело в том, что он поздравлял с Варшавою и приносил оду Паскевичу“.

А через три дня написано письмо о „шинельных“ стихах Жуковского.

Генерал Паскевич, любимец Николая I, был ранен в бок при взятии Варшавы. Иронический тон Вяземского отражает нерасположение, которое русское общество питало к Паскевичу в частности за то, что он содействовал падению популярного в либеральных кругах Ермолова.

Молодой Суворов — князь Александр Аркадьевич, внук генералиссимуса, отличившийся при взятии Варшавы.

В 1831 г. в Старой Руссе вспыхнул солдатский бунт, подавленный А. Ф. Орловым. Об этом событии Пушкин пишет Вяземскому в письме от 3 августа 1831 г.; в том же письме идет речь и о польском восстании.

„Записки М.“ — подзаголовок романа „Русский Пелам“, который Пушкин начал набрасывать в 1835 г. и от которого осталось всего несколько страниц.

Любопытно, что в начале царствования Александра II сам Вяземский, назначенный товарищем министра народного просвещения, очутился во главе цензурного ведомства. В 1860 г., в речи к Ковалевскому, он сказал: „Как писатель, я иногда жаловался на цензуру, но стал постоянно бояться ее и на нее жаловаться, когда она поступила в мое ведение“.

Речь идет, повидимому, о крайне неудачном, так называемом по-смертному, издании, которое редактировалось друзьями Пушкина во главе с Жуковским.

Ланжерон, граф (1763 — 1831) — французский эмигрант, поступивший на русскую военную службу и достигший высокого служебного положения. Он принимал деятельное участие в войне с Наполеоном.

Хвостов был женат на племяннице Суворова, который ему покровительствовал (в частности в 1799 г. выхлопотал ему графский титул Сардинского королевства). „Этот союз вдруг поднял его, — пишет Вигель: — Будучи не совсем молод, неблагоприятен и неуклюж, пожалован был он камер-юнкером пятого класса, званье завидуемое, хотя обыкновенно оно давалось осмнадцатилетним знатым юношам. Это так показалось

странно при дворе, что были люди, которые осмелились заметить о том Екатерине.

„Что мне делать, — отвечала она, — я ни в чем не могу отказать Суворову: я бы этого человека сделала фрейлиной, если бы он того потребовал“.

78

Граф Милорадович был в то время петербургским военным генерал-губернатором.

„Железная маска“ — неизвестный, заключенный в Бастилию при Людовике XIV; лицо его было постоянно закрыто маской. Относительно личности узника историки и мемуаристы делали множество разноречивых догадок. У Пушкина есть небольшая, относящаяся к 1837 г., заметка о „Железной маске“:

В „Записках“ Смирновой, где Толстая фигурирует под именем „старухи X“, находим тот же анекдот в форме разговора с в. к. Михаилом:

„Я не хочу умереть внезапно, потому что не желаю явиться на небо запыхавшись и растерянною, а я хочу обратиться к господину богу с четырьмя вопросами: „кто был самозванец? кто был „Железная маска“? был ли щевалье д'Эон мужчиной или женщиной и был ли Людовик XVII похищен из Тампля?“ — Разве вы уверены, что попадете в рай? — спросил ее в. к. ... Старуха обиделась и очень кисло ответила: — „Неужели вы думаете, что я рождена для того, чтобы сидеть и ждать в чистилище?“

И далее: „Я сделала визит старушке X... Говоря со мной о смерти Петра III, которую она помнит, она сказала: „сознайтесь, милая, что это была несчастная случайность“. Затем она спросила меня, что я думаю о Фусадье и Димедале? Я ответила, что никогда не слыхала о них. Она тогда объяснила мне, что это два врача, служившие при Екатерине и умершие уже лет 50 назад... Добрая старуха думает, что мне сто лет, и очень удивлена, что я не знаю всей этой истории. Она говорила мне о кн. Moustache [княгиня „Усатая“], о „военной тетушке“, и кн. „Черепакхе“ и дала мне понять, что они были не так красивы, как она, и гораздо старше ее... Кто-то спросил т-ше X, что она думает о проекте поставить колонну в честь императора Александра. Она рассказывала нам, что Пушкин уже „одурачил ее по этому поводу“. Он сказал ей, что колонна будет держаться собственной тяжестью, а не цепями. X. не верит этому, находя это невозможным и очень опасным; она заявила, что никогда не проедет по площади, а то колонна упадет и задавит ее. Граф Моден разуверил ее и указывал на Бандомскую колонну в Париже. — Прекрасный пример, — вскричала она, — французы обманщики, они создали великую революцию, они обезглавили короля и сделали императором узурпатора, генерала Бонапарта“. („Записки“ Смирновой, Пб. 1894 г. стр. 70—71).

84

Бессарабским губернатором был назначен Василий Федорович Тимковский (1781 — 1832). Цензор — Иван Осипович Тимковский, тот, о котором в 1826 г. Вяземский писал Тургеневу:

„Они думают, что Россия только для них сотворена, и они могут смело купаться по уши в грязи. Клянусь честью, что вытащу их за уши из лужи и повешу на крюк. Как ни вступайся за Тимковского, но он первый повиснет, как только разрешится неволя печати. Я знаю,

что он по штату должен невежничать; но, по излишнему усердию, он часто порывается и на сверхштатное невежество“.

85

Отец Мамонова, граф Александр Матвеевич Дмитриев-Мамонов, был фаворитом Екатерины II с 1786 по 1789 г. Повидимому, Мамонов, без достаточных оснований, склонен был считать себя незаконным сыном Екатерины.

Страсть Мамонова к эффектам едва не стоила жизни Вяземскому, который в качестве мамоновского ополченца участвовал в бородинской битве, где под ним были убиты две лошади.

Вяземский рассказывает об этом в статье 1868 г. „Воспоминание о 1812 г.“ (т. VII):

„Мой казачий мундир Мамоновского полка, впрочем не совсем казачий, был неизвестен в армии. Он состоял из синего чекменя с голубыми обшлагами, на голове был большой кивер с высоким султаном, обтянутый медвежьим мехом... Тут подъехал ко мне незнакомый офицер и сказал, что кивер мой может сыграть надо мной плохую шутку. „Сейчас, — продолжал он, — остановил я легешего на вас казака, который говорил мне: „посмотрите, ваше благородие, куда врезался проклятый француз!“

94

Князь Ц. — князь Дмитрий Евсеевич Цицианов (1747 — 1835), о котором Пушкин писал: „Всякое слово вольное, всякое сочинение возмутительное приписывается мне, как всякие остроумные вымыслы князю Цицианову“. А. Булгаков в своих воспоминаниях говорит: „Он... был... известен еще с самых времен Екатерины по приобретенной им славе приятного и неистощимого агуна“. Булгаков и Бартенев приводят цициановские вымыслы о пчелах в Грузии, „величиною с воробья“, которые „не жужжат, а поют как птицы“; о том, что в Грузии не красят шерстяную пряжу, потому что „овцы рождаются разноцветными, и при захождении солнца стада этих цветных овец представляют собою прелестную картину“ и т. д. („Стар. и Нов.“, кн. 7; „Рус. Арх.“, кн. II).

В „Записках“ А. О. Смирновой упоминаются и Красинский и Цицианов (последний был ее двоюродным дедом): „Приехал Красинский. Он всегда рассказывает смешные истории с самым невозмутимым видом. Вчера он говорил императрице о Казерте и уверял, что там в саду есть такая большая магнолия, на которой в одно время было 60.000 цветков.

„Императрица усмеянулась и со своей тонкой улыбкой сказала:

„— Удивительно. Кто же считал их?“

„— Это было поручено целому полку, и он двадцать четыре часа простоял около дерева...“ Мой дед Ц. лгал так же, как Красинский, с таким же спокойствием, с тем же апломбом, так же непоколебимо и неожиданно“.

Ольга Смирнова делает к этому месту „Записок“ следующее примечание: „Двоюродный дед моей матери кн. Цицианов, грузин, — был большим оригиналом. Анекдот о плаще, взбесившемся оттого, что его порвала бешеная собака, был переведен Ксавье де-Местром... Моя мать знала еще этого деда, так как он умер 95-ти лет. Он говорил ей совершенно серьезно, что он ни во что не ставит людей, у которых

предки родились после вознесения Христова. Моя мать спросила его, почему. „Потому что я происхожу от Иакова, — ответил он: — ты видела мой герб и заметила в нем лестницу?“ Мой дядя Россет раз спросил его (он был тогда пажом), правда ли, что он проел тридцать тысяч душ? Старик рассмеялся и ответил: „Да, только в котлетах“. Мальчик широко раскрыл глаза и спросил: „Как в котлетах?“ — „Глупый! Ведь они были начинены трюфелями, — ответил дед, — а барашков я выписывал из Англии, и это, оказалось, стоило очень дорого“. („Записки“ Смирновой, Пб. 1897, стр. 94—95).

97

На тему о скупости Сергея Львовича находим у Вяземского замечание в „Дневнике“ 1830 г. „Нашел тут (в ресторане) Сергея Львовича (Пушкина). Был день имени Александра, и чадолюбивый отец разделал человека на семь свою радость и свою бутылку шампанского“. (IX, 118).

В том же году Вяземский пишет Пушкину: „Я сейчас с обеда Сергея Львовича, и твое письмо, которое я там прочел, убедило меня, что ты точно жених... А более всего убедила меня в истине женитьбы твоей вторая экстренная бутылка шампанского, которую отец твой розлил нам при получении твоего последнего письма. Я тут ясно увидел, что дело не на шутку. Я мог не верить письмам твоим, слезам его, но не мог не поверить его шампанскому“.

98

Растопчин, граф Федор Васильевич (1763—1826) — в 1812 г. главнокомандующий Москвы и вдохновитель аристократически-патриотической партии, настаивавшей на непримиримости по отношению к Наполеону. Пожар Москвы приписывался фанатизму Растопчина.

99

Копьев Алексей Данилович (ум. 1826 г.) — был автором нескольких комедий и множества неизданных эпиграмм и экспромтов. В 1794 г. напечатал комедию „Что наше, то во нам и не нада“, замечательную попыткой передать графически фонетические особенности речи, вроде: „што йта за дьявальска наваждениё!“ и т. п. Такое начертание проведено через всю пьесу. (Этим указанием я обязана Г. А. Гуковскому).

О Копьеве сохранилось много анекдотов. Греч в своих „Воспоминаниях“ сообщает:

„Когда Павел I, при вступлении на престол, ввел безобразную прусскую форму и т. п., один бывший адъютант князя Зубова, Копьев, послан был с какими-то приказами в Москву. Раздраженный переменю судьбы, он вздумал посмеяться над новой формою: сшил себе перед отъездом мундир с длинными широкими полами, привязал шпагу к поясу сзади, подвязал косу до колен, взбил себе преогромные пукли, надел уродливую треугольную шляпу с широким золотым галуном и перчатки с крагами, доходившими до локтя. В этом costume явился он в Москву и уверял всех, что такова, действительно, новая форма. Император, узнав об том, приказал привезти его в Петербург и представить к нему в кабинет.“

„— Хорош! мил! — сказал он, увидев этот шутовской наряд: — в солдаты его. — Приказанье было исполнено. Копьеву в тот же день забрили лоб и зачислили в один из армейских полков в Петербурге. Чулков, прежде того нередко ставивший у него в передней, вздумал над

ним потешиться, призвал его к себе, осыпал ругательствами и насмешками и наконец сказал:

„— Да говорят, братец, что ты пишешь стихи?“

„— Так точно, писывал в былое время, ваше высококородие...“

„— Так напиши мне теперь похвальную оду, слышишь ли! Вот перо и бумага!..“

„— Слушаю, ваше высококородие! — отвечал Копьев, подошел к столу и написал: „Отец твой чулок, мать твоя тряпица, а ты сам что за птица!“ (Греч, „Записки“, стр. 118—119).

Вигель, лично знавший Копьева, писал о нем: „Его репутация как остряка и балагура дошла до князя Зубова, который по примеру князя Потемкина имел свиту огромную, бесчисленную, из адъютантов, ординарцев и чиновников для поручений: он поместил его при себе, с чином армейского подполковника. В продолжении нескольких лет, последних царствования Екатерины, все покровительствуемые Зубовым и при нем состоящие пользовались совершенно безнаказанностью“.

Далее Вигель приводит тот же анекдот что у Греча.

100

Ольга Смирнова, в примечаниях к „Запискам“ матери, приводит вариант этого анекдота, называя однако (повидимому неверно) его героя генералом О.

„Генерал О. Его в 1812 г. прозвали Же. Он вел атаку, его окружили и отвели в главную квартиру французов. Наполеон сказал: „Генерал, ведши атаку, — храбрец. Что, он убит? Как его зовут?“ — „Je, c'est je, sire!“ Император повторил: „Генерал Же — храбрец“. Тогда О. пояснил: „Je — это я“. — „А я думал, — воскликнул Наполеон, — что его фамилия Je! поздравляю вас, блестящая атака!“ Тот же генерал О. говорил: „Se couchement du soleil est pythagore“². В. к. Михаил поправил его: „Генерал, говорят — pittoresque“. О. не смущаясь ответил: „Pythagore ou pittoresque sont synagogues“³. („Записки“ Смирновой, Пб. 1894 г., стр. 68).

101

У Вяземского есть несколько характеристик Нелединского; в них неизменно говорится о его пылости.

„Однажды на вечере подходит ко мне Нелединский — мне было тогда лет 15 — и спрашивает меня: „Хороша ли она и как одета сегодня?“ — Кто? — говорю я. — „Да, разумеется, Елисавета Семеновна“. — Помилуйте, что же вы меня спрашиваете, ведь вы теперь около двух часов за одним столом играли с ней в бостон. — „Да разве ты не знаешь, что я уже три месяца не смотрю на нее и что я наложил на себя этот запрет, потому что видимое присутствие ее слишком меня волнует“.

102

Неелов намекал на прошлое павловского фаворита Ивана Петровича Кутайсова, который некогда был камердинером и брадобреем в. к. Павла

¹ Я — это я, государь. (Недоразумение основано на том, что генерал говорит je вместо moi).

² Этот солнечный закат — пифагоричек.

³ Пифагорейский и живописный — сингагалыны.

(Непереводимая игра слов, основанная на созвучии pythagore — pittoresque (живописный) synagogue — synonyme (синонимичный)).

Петровича. Греч в своих „Записках“ рассказывает: „Пленный турчонок мало-по-малу сделался обер-шталмейстером, графом, андреевским кавалером и не переставал брить государя. Наскучив однажды этим ремеслом, он стал утверждать, что у него дрожит рука, и рекомендовал вместо себя одного гвардейского фельдшера, очень искусного в этом деле и исправлявшего свою должность у многих генералов. Но таков был взгляд Павла, что у бедного унтер-офицера со страху бритва вывалилась из рук и он не мог приступить к делу. „Иван, — закричал император, — брей ты!“ Иван, сняв андреевскую ленту, засучил рукава и вздохнув принялся за своё ремесло“.

В другом месте Греч рассказывает о том, как Павел послал Кутайсова к больному Суворову.

— Кто вы, сударь? — спросил у него Суворов.

— Граф Кутайсов.

— Граф Кутайсов? Кутайсов? Не слышал. Есть граф Панин, граф Строганов, а о графе Кутайсове я не слышал. Да что вы такое по службе?

— Обер-шталмейстер.

— А прежде чем были?

— Обер-егермейстером.

— А прежде?

Кутайсов запнулся.

— Да говорите же!

— Камердинером.

— То есть вы чесали и брили своего господина?

— То... точно так-с!

— Прошка, — закричал Суворов знаменитому своему камердинеру Прокофию: — ступай сюда, мерзавец! Вот посмотри на этого господина в красном кафтане с голубою лентою. Он был такой же холоп, фершал, как и ты, да он турка, так он не пьяница! Вот видишь куда залетел! И к Суворову его посылают. А ты, скотина, вечно пьян и толку из тебя не будет. Возьми с него пример, и ты будешь большим баринном.

„Кутайсов вышел от Суворова сам не свой и, воротясь, доложил императору, что князь в беспамятстве и без умолку бредит“ (Греч, „Зап.“ стр. 140 — 141).

103

Неелов Сергей Алексеевич (1779 — 1852). — О своей молодости Неелов в 1840 г. вспоминал следующим образом: „... мне было двадцать лет, я был конногвардейский офицер, был красив собой, румян и бел, ловок и смел, и на бонмо собаку съел... я точно сыр в масле катался, пил, играл, кутил направо, имел несколько дуэлей, жил разгульно и лихо, и только потому уделел, что Москвою правил тогда мой дядя фельдмаршал: оттого мне все сходило с рук. Так прожил я лет тридцать“. К репутации отчаянного кутилы Неелов впоследствии присоединил репутацию присяжного остряка и говоруна московских гостиных. Он очень дорожил своими связями с литераторами И. Дмитриевым, В. А. Пушкиным, Вяземским. Неелов творил мимоходом, но тщательно собирал плоды своего творчества. После него осталось несколько тетрадей с аккуратно, хотя совершенно безграмотно, переписанными стихами. В них, на ряду с шуточными и порнографическими,

представлены и „лирические“. Несколько стихотворений Неелова опубликовал в посвященной ему статье Гершензон („Русские Прописки“, т. 2, М. 1916 г.).

В 1813 г. Вяземский подписал под портретом Неелова:

Художник здесь рукою верной
Черты того изобразил,
Кто был всегда любим безмерно
И от роду в стихах сам меру не хранил.

Безграмотно писавший по-русски, не ладивший с размерами и рифмами, Неелов привлекал Вяземского своеобразием и характерностью своих неуклюжих стихов.

Неелов гордился своей независимой жизнью московского барина и литературного дилетанта. Стариком уже он писал:

С. Н — ва история и послужной список

Я семь андреевских в родстве своем имел,
И всякий был из них правителем начальства.
Через них, как и другой, я мог бы быть в чинах,
В крестах,
В местах,

Но не хотел

Из моего критийальства.
Я независимость раненько полюбил,
И не служил.

К тому же я в душе поэт,
Всегда свободой восхищался,
И до семидесяти лет
Корнетом гвардии, не сгуя, остался.

В 1825 г. Пушкин писал Вяземскому: „Стихи Неелова прелесть, не даром я назвал его некогда le chantre de la m... [певец...]. (Это между нами и потомством буди сказано)“.

Солнцева Михаил Матвеевич — был женат на Е. А. Пушкиной, тетке А. С. Пушкина. Случай с камергерством был известен и Пушкину. В письме 1830 г. он пишет Вяземскому: „Сегодня везу я к моей невесте Солнцева — жаль что представляю его не в прежнем его виде, доставившем ему камергерство. Она более благоговела бы перед родственником его брюхом“.

104

В первом действии Чацкий, расспрашивая Софью о старых московских знакомых, говорит:

А наше солнышко? наш клад?
На лбу написано: „театр и маскарад“.
Дом зеленым раскрашен в виде рожи,
Сам толст, его артисты тощи.
На бале, помните, открыли мы вдвоем
За ширмаю, в одной из комнат, посекретной,
Был спрятан человек и целкал соловьем —
Певец зимой погоды летней.

105

М. Н. Лонгинов следующим образом рассказывает историю отношений Сандуновой и Безбородки: „В 1791 г. славилась на русской сцене искусством и красотой певица Лизанька Урванова. В числе ее обожа-

телей был граф Александр Андреевич Безбородко; Храповицкий и Саймонов, управлявшие театром, старались угодить сильному вельможе и для того хотели удалить в Москву его соперника, актера Силу Николаевича Сандунова, к которому и Лизанька была равнодушна. Сандунов, играя в свой бенефис... сказал в конце спектакля публике речь в стихах... Сандунов говорил между прочим:

Теперь иду искать в комедиях господ,
Мне кои б за труды достойный дали плод;
Где б театральные и графы и бароны
Не сыпали моим Ливетам миллионы.

«... Лизанька, не видя конца преследованиям, по окончании представления „Федра“ в Эрмитаже, стала на сцене на колени и подала государыне просьбу на своих „гонителей“... Екатерина устроила ее брак с Сандуновым. „Через несколько дней Сандунова, играя на публичном театре... вынула кошелек и обратясь с авансцены к Безбородке, пропела:

Перестаньте лстаться ложно
И думать так безбожно,
Что деньгами возможно
В любовь к себе склонить“.

(Соч. М. Н. Лонгинова, М. 1915 г., т. I,
стр. 282—283).

В другом месте „Записных Книжек“ Вяземский сообщает о Гусятникове: „Был тогда молодой человек, вышедший из купечества в гусарские офицеры, собою очень красивый, на примете у многих дам, известный долголетнею связью с одной из милейших московских барынь, лобезный, вежливый, принятый в лучшие дома. Бульварный или пресненский песнопевец рисует его следующими стихами:

А Гусятников купчишка
В униформе вологой,
Крадется он ис-подтипка
В круг блестящий и большой“.

(VIII, 502).

108

Лагарп (1740—1803),—известный французский критик и теоретик литературы, придерживавшийся норм поэтики „классицизма“.

109

Людвиг-Филипп Орлеанский (1773—1850)—вслед за своим отцом объявил себя сторонником революции, принял имя гражданина Эгалите и сражался в республиканских войсках. После реставрации Бурбонов „раскаялся“, но никогда не отказывался до конца от своих либеральных убеждений. После июльской революции 1830 г. буржуазия возвела Людовика-Филиппа на престол. Это конституционно-буржуазное правление было прекращено только революцией 1848 г.

Николай I не мог примириться с таким способом вступления на престол и не скрывал от Людовика-Филиппа свое неодобрение.

В 1842 г. Вяземский пишет Гурженеву: „О Louis-Philippe можно сказать, что Вольтер сказал о божестве: „S'il n'existait pas il faudrait l'inventer“. [Если бы его не было, его следовало бы выдумать]. В нем сли-

вались стихии монархические и республиканские, что весьма худо было бы в другом месте, но во Франции было единственное средство спасения и примирения“.

115

Волков Федор Григорьевич (р. 1729 г.)—происходил из купеческого звания. Его считают основателем русского театра, т. к. он первый организовал труппу, дававшую публичные спектакли. До Волкова существовал только закрытый придворный театр.

В названии Полевого усмотрен полемический выпад.
Впоследствии (в 1868 г.) Вяземский писал:

„Карамзин озаглавил труд свой: История Государства Российского. Полевой, озаглавил свою книгу: История Русского Народа. И на этом различии названий досужие люди и даже ученые основывают совершенное различие учений и находят многозначительным название, данное Полевым“.

117

Новиков Николай Иванович (1744—1818)—масон, замечательный представитель русского просвещения XVIII в., в частности развивший большую издательскую деятельность.

Деятельность Новикова навлекла на него подозрение правительства, и он был заключен Екатериной II в крепость.

119

Измайлов Владимир Васильевич (1773—1830)—автор повестей и путешествий, в которых карамзинистский сентиментализм был доведен до крайности, оскорблявшей вкус Карамзина.

В „Парнасском Адрес-Календаре“ Воейкова читаем:
„15. В. В. Измайлов действительный явный галломан, чувствительный писатель 1-го класса, помещен на вакансию Ж. Ж. Руссо, при рескрипте, в котором сказано: „на безрыбьи и рак рыба“. Пользуется привилегиею выпускать в Благовещение из клеток чижиков и заведывает департаментом истерик“.

120

Орлов Алексей Федорович (1786—1861)—брат арзамасца Михаила Федоровича Орлова, был незаконным сыном одного из знаменитых екатерининских Орловых. Он пользовался особым расположением Николая I за рвение, проявленное им 14 декабря 1825 г. В 1828—1829 гг. Орлов участвовал в турецкой кампании и был два раза (в последний раз в 1835 г.) назначен Николаем чрезвычайным и полномочным послом для переговоров с турецким правительством. В 1844 г., после смерти Бенкендорфа, Орлов занял пост шефа жандармов и начальника III Отделения. Впоследствии был председателем Государственного совета и председателем Комитета министров.

121

Загряжская Наталья Кирилловна (1747—1837)—дочь любимца Елизаветы Петровны и последнего гетмана Малороссии Кирилла Григорьевича Разумовского, вышедшая замуж за скромного измайловского офицера Н. А. Загряжского, с которым впоследствии разошлась.

Наталия Ивановна Гончарова, теща Пушкина, была побочной дочерью брата Загряжского, и Наталия Кирилловна ей покровительствовала.

В 1830 г. Пушкин представлялся Загряжской в качестве жениха Н. Н. Гончаровой, которой он писал об этом визите: „Приезжаю. Обо мне докладывают, она меня принимает за своим туалетом, как хорошенькая женщина прошедшего столетия“...

Нат. Кир. любила Пушкина и была в числе немногих лиц, посвященных в подробности его отношений с Дантесом и пытавшихся предотвратить развязку.

В письмах Пушкина к жене нередко встречается ее имя. Иногда Пушкин подшучивал над старухой; так, после смерти князя Кочубея, о котором упоминает Вяземский, мужа племянницы и воспитанницы бездетной Нат. Кир., Пушкин пишет: „Н. К. сердится на всех, особенно на князя Кочубея, зачем он умер и тем огорчил ее Машу. На княгиню также дуетя и говорит: *Mon dieu, mais nous toutes nous avons perdu vos maris et cependant nous nous sommes consolées* (боже мой, в конце концов все мы потеряли наших мужей — и все утешились).

Загряжская, всю жизнь прожившая при дворе или вблизи двора, свидетельница шести царствований (от Елизаветы Петровны до Николая I), должна была заинтересовать Пушкина в эпоху его увлечения историческими материалами. В свое собрание анекдотов *Tabletalk* („Застольные беседы“) Пушкин включил девять рассказов, записанных со слов Нат. Кир., под общим заглавием „Разговоры Загряжской“.

126

В тексте „Записных Книжек“, не предназначенных для печати, имеется вариант гораздо более откровенный: „... Полевой имел наглость написать в альбом жены Карлаофа стихи под заглавием: *Поэтический анахронизм*... и т. д. Как везде видишь деловальника и лакея, не знающего ни приличия, ни скромности. Посади свинью за стол, она и ноги на стол, да и каков литератор, который шутит стихами Дмитриева (и какими стихами еще)“...

Полевой Николай Алексеевич (1796 — 1846) — известный критик, историк и беллетрист. Сын купца, он сам сохранил купеческое звание и имел в Москве водочный завод, что стоило ему многих нареканий.

В 1825 г. в полемической статье Вяземский писал:

„Сии крестовые рыцари упрекают издателя в том, что он из купеческого звания, Да кто же, спросите вы, сии феодальные бароны, повитые на пергаменте и вскормленные на благородном шите, которые не иначе хвалят книгу, как удостоверившись, что она писана дворянскою рукою?“

Первоначально Вяземский покровительствовал Полевому и был одним из деятельнейших сотрудников его журнала „Московский Телеграф“ с момента его основания в 1825 г. и по 1837 г., т. е. в период, когда „Телеграф“ был органом защиты и пропаганды „романтического“ направления. Впоследствии для Вяземского, как хранителя традиции „аристократической литературы“ оказалось неприемлемым небрежное отношение Полевого к авторитетам. (Карамзин, И. Дмитриев).

Вяз. намекает на громкий скандал, разыгравшийся в свое время вокруг „Истории Русского Народа“ Полевого. Полевой заранее собрал деньги по подписке, а потом так и не довел издания до конца.

В статье 1830 г. Вяземский писал:

„Азбопытно... видеть, сколько автор сам посвятил времени на составление 12 томов истории, не только уже готовых в кабинете автора, но даже сделавшихся уже и собственностью публики, ибо подписка на них открыта и сумма за все 12 томов заплачена подписчиками... Нельзя же полагать, что труд нового историка еще не совершен, что 11 обещанных томов пока таятся еще в голове автора... Такое предположение было бы легкомысленно и оскорбительно для добросовестности автора... Сочинение может быть допечатано после смерти автора, если он умрет в это время, смерть его оплакивается близкими и добрыми людьми, но крайней мере не сбывается пословица: плакали денежки. А между тем второго тома еще нет, друзья автора распускают известие, что он сжег второй том, быв недоволен трудом своим. Это огненное очищение, этот божий суд средних веков, приносит честь унижению авторскому, но тут следуют два вопроса: отнего же не сожжен и первый том; и при чем останутся подписчики? при одном пепле, что ли? Пока „История Русского Народа“ есть только история русской ссорки сбывать свой товар налично, когда он еще не налично“. (II, 143).

В 1836 г., делая заметки на полях чернового письма Вяземского к министру Уварову, Пушкин приписал против имени Полевого: „Не должно забыть, что он сделан членом-корреспондентом нашей Академии за свою шарлатанскую книгу, писанную без смысла, без изыска и без всякой совести — не говорю уже о плутовстве подписки, что уже касается управы благочиния, а не Академии наук. (II, 225).

В 1833 г. Вяземским написаны на эту тему две эпиграммы:

„Два разговора в книжной лавке“.
Чем занимается теперь Гизо Российский?
Да верно тем же все: какой-нибудь подпиской
На книгу новую, которую бог даст —
Когда-нибудь и он напишет и издаст!
Пусть говорят, что он сплетатель скучных врак;
Но публики никто, как он, не занимается!
Как „публики“? Бог весть, кто вкуч ее узнает?
„У публики“ — вот это так.

127

Хвостов Дмитрий Иванович граф (1757 — 1835), впоследствии член Государственного совета. В шуточной и эпиграмматической литературе первых десятилетий XIX в. имя Хвостова было едва ли не самым популярным. Его стихотворческие лягусы, его баснословная графомания, соединенная со страстью читать свои стихи, довольно значительные материальные жертвы, которые он приносил ради распространения своих произведений, — все это служило неисчерпаемой темой для острот.

Вяземский придумал термин „Хвостовщина“ и утверждал, что басни Хвостова „были настольной и потешной книгой в Арзамасе“. Вяземскому принадлежат и следующие строки:

Но сердцу моему твердятся навсегда,
Досадные упреки,
Как безумный крик сороки,
Которая одно заладит и кричит,
Им как трезвон стихов, какими граф жестокий
(По имени Хвостов, а ремеслом пнит),
Нас душит, давит, жжет, моровит и морит.

В 1826 г. Вяземский с восхищением сообщает Тургеневу:
„Иван Иванович (Дмитриев) на получаемые от Хвостова стихи при письмах говорит, что ему совестно называть их по имени и потому отвечает: „Благодарю за письмо и за приложение“.

[128

Мысль о том, что в отношениях Сперанского к Александру был момент „личного предательства“ высказывалась И. И. Дмитриевым, имевшим на Вяземского влияние. В своих „Записках“ Дмитриев передает разговор с царем вскоре после удаления Сперанского. „Не сердись, что я два раза не принимал тебя: причиной тому вся эта пакостная история“, и тотчас стал мне рассказывать, что Сперанский, за две комнаты от кабинета, позволил себе в присутствии близких к нему людей, опорочивать политические мнения нашего правления, ход внутренних дел и предсказывать падение империи“. (Соч. И. И. Дмитриева. Пб. 1893 г. т. II, стр. 113).

Вигель следующим образом рисует эволюцию Магницкого от Сперанского до Аракчеева: „Первые годы молодости своей Магницкий провел в эпикурейской Вене и в революционном еще Париже. Когда он возвратился в отечество, то сперва вместо трости носил яковинскую дубинку, с серебряною бляхой и надписью: droit de l'homme [права человека]. Потом он был самым усердным англоманом, а после Тильзитского мира отчаянным обожателем Наполеона, что, кажется, и было причиной ссылки его в Вологду. Оттуда он назначен был... губернатором в Симбирск. В это время он сильно пристал к мистицизму и тем угодил министру князю Голицыну, который испросил ему место попечителя Казанского университета. Возродившийся в конце царствования Александра, Магницкий явил характерную для этого периода смесь солдафонства с ханжеством. В 1825 г. он писал Аракчееву: „Эти благоустроенные деревни особенно примечательны тем, что они были колыбелью одного из крупнейших памятников царствования Александра: Военных поселений. Великое сие учреждение и хвалят и осуждают у нас по-земному. В мире духовном мы видим вещи иначе... Истинная цель откроется детям, может быть внукам, и тогда узнают, что первая мысль сего учреждения была вдохновение, совершенно согласное с великою судьбою христианского мира“.

В „Доме Сумасшедших“ Воейков писал о Магницком:

Я за орден — христианин;
Я за деньги — мартинист;
Я за землю — мусульманин;
За аренду — атеист.

Следует отметить, что при жизни Александра I Вяземский не склонен был к его высокой оценке. В письме 1821 г. он, сравнивая его с Наполеоном, дает жестокую характеристику русского императора: „... Но мы, которые проводим утра свои в манежах и на парадных площадях, которые хотим слыть либералами при женских туалетах и деспотами перед миллионом штыков, которые не имеем ни одной мысли, а много лишних солдатом, что, кроме стыда настоящего и бледного, но многими пятнами означенного места в истории ожидает нас в награду за двуличное поведение и за всегда зыблущееся направление мыслей и правил“.

130

Об Алексее Михайловиче Пушкине (1769 — 1825) Вяземский писал в статье „Допотопная и допожарная Москва“:

„Вот также личность в высшей степени своеобразная. Прямой сын Вольтера, энциклопедист с русскою закваскою... бывший в военной службе и в походах, следовательно не чуждый русской жизни и ее особенностей. Трудно определить его. Одно можно сказать — что он был соблазнительно-обворожителен. Бывало, изъявит он мнение, скажет меткое слово, нередко с некоторым динизмом, и то и другое совершенно вразрез с мнением общепринятым, и все это выразит с такою энергиею и забавной мимикой, что никто не возражает ему, а все увлекаются взрывом неудержимого смеха. Он вообще не любил авторитетов, гораздо прежде романтической школы ругал он Расина, которого, впрочем, переводил, и, скажем мимоходом, довольно плохо. Доставалось и солнцу, как авторитету и поэтам, которые воспевают восхождение его, „а оно радуясь этим похвалам, раздувшись и покрасневшись, вылезает на небосклон“. И все это было иллюстрировано живыми ухватками, игрою лица“. (VII).

Батюшков, вспоминая московских беглецов 1812 г., собравшихся в Нижнем-Новгороде, писал жене А. М. Пушкина — Е. Г. Пушкиной: „Прибавьте к этому Алексея Михайловича, который с утра самого искал кого-нибудь, чтоб поспорить, и доказывал с удивительным красноречием, что белое — черное, черное — белое“. В том же письме говорится: что А. М., „вопреки некоторым излучинам — пусть он помирает со смеху — вопреки некоторым излучинам, в которые вдается его ум, имеет много здравого рассудка“. (Батюшков т. III, стр. 267).

Эти черты Пушкина, преломившись в обычном недоброжелательстве Вигеля, послужили основанием для следующей характеристики: „Многоглазый генерал и камергер Алексей Михайлович П-н, остряк, вольтерьянец, циник и безбожник. Он был гораздо просвещеннее современника своего Копьева; его ум был забавен, но не довольно высок, чтобы снять с него печать, наложенную обществами восемнадцатого века. Странно и довольно гадко было мне слушать обветшалые суждения и правила философизма, отчасти породившего революцию, в ту самую минуту, когда, казалось, что она сокрушена была навсегда“.

133

Меньшиков Александр Сергеевич, светлейший князь (1787 — 1863), правнук знаменитого фаворита Петра I, славился своим необыкновенным злоязычием и чудачеством. Этот блестящий в своем роде человек оказался бездарным полководцем и неудачливым дипломатом; по отзыву Дениса Давыдова, Меньшиков „умел приспособить свой ум ко всему, но он не мог сделать своего ума из разрушающего создающим“. Меньшиков был в числе тех лиц, которые вместе с Вяземским в 1819 году подавали Александру I проект освобождения крестьян. Впоследствии Меньшиков „раскался“ и противодействовал крестьянской реформе.

Клейнмихель, граф, Петр Андреевич (1793 — 1869), любимец и выученик Аракчеева, управлявший Департаментом военных поселений, занимал с 1842 г. по 1855 пост министра путей сообщения и общественных зданий.

Настасью Дмитриевну Офросимову Толстой вывел в „Войне и мире“ под именем Марьи Дмитриевны Ахросимовой.

В рассказах Яньковой, записанных ее внуком Благово, дана сходная характеристика, но иная, чем у Вяземского и Толстого оценка Офросимовой: „... Настасья Дмитриевна была старуха пресамонравная и пресумасбродная: требовала, чтобы все и знакомые и незнакомые ей оказывали особый почет. Бывало, сидит она в собрании, и боже избави, если какой-нибудь молодой человек или барышня пройдут мимо нее и ей не поклонятся: „Молодой человек, поди-ка сюда, скажи мне, кто ты такой, как твоя фамилия?“ — „Такой-то.“ — „Я твоего отца знала и бабушку знала, а ты идешь мимо меня и головой не кивнешь; видишь, сидит старуха, ну и поклонись, голова не отвалится; мало тебя драли за уши, а то бы повежливее был.“

„И так при всех ошельмует, что от стыда сгоришь.“

„И молодые девушки тоже непременно подойди к старухе и присядь перед ней, а не то разбранил...“

„— И с дедушкой и с бабушкой была дружна, а ты, глупая девчонка, ко мне и не подойдешь; ну, плохо же тебя воспитали, что не внушили уважения к старшим...“

„Бывало, как едут матери со своими дочерьми на бал или в собрание, и твердят им:

„— Смотрите же, ежели увидите старуху Офросимову, подойдите к ней да присядьте пониже...“

„Говорят, она и в своей семье была пресердитая: чуть что не по ней, так и сыновьям своим, уже взрослым, не задумается и надаст пощечин“. („Рассказы бабушки“, Пб. 1885, стр. 188 — 189).

Сходную сцену на балу в 1822 г. описывает Свербеев: „Она на ползавалы закричала мне: „Свербеев, поди сюда!“ Бросившись в противоположный угол огромной залы, надеялся я, что обойдусь без грозной с нею встречи, но не прошло и четверти часа, дежурный на этот вечер старшина, мне незнакомый, с учтливой улыбкой пригласил меня идти к Настасье Дмитриевне. Я отвечал: „Сейчас“. Старшина, повторяя приглашение, объявил, что ему приказано меня к ней привести. — „Что это ты с собой делаешь? Небось, давно здесь, а у меня еще не было. Видно, таскаешься по трактирам, по кабакам, да где-нибудь еще хуже, — сказала она, — оттого и порядочных людей бегаешь. Ты знаешь я любила твою мать, уважала твоего отца“...“

„Ну, бог тебя простит, завтра ко мне обедать“...“

„... Настасья Дмитриевна угодно было гулять вигзагами... Напрасно дочь ее и я робко заметили было ей, что таким образом мы мешаем танцующим. Она ответила громко: „Мне, мои милые, везде дорога“. И действительно, сотни пляшущих от нас сторонились и уготовляли нам путь широкий и высокаторжественный“.

Там же Свербеев рассказывает:

„Еще в 1809 г... Офросимовой удалось одним словом с выразительной жестикюляцией уничтожить взяточника, сенатора С... Государь сидел в своей маленькой ложе... Офросимова, не подчинявшаяся никаким обычаям, была в первом ряду кресел и в антракте, привстав, стала к рампе... судорожно засучивая рукава своего платья. Увидев в 3 или 4 № бенуара сенатора, она... в виду всех пальцем погрозила

сенатору и, указав движением руки на ложу гбсударя, громогласно, во всеуслышанье партера произнесла: „С. берегись!“ Затем она преспокойно села в свои кресла, а С., кажется, вышел из ложи“... (Свербеев. „Записки“, т. I, 260 — 263).

Эта выходка возбудила внимание правительства, и в результате сенатор был отставлен.

В 1807 г. Расстопчин написал комедию „Вести, или живой убитый“, Вигель в своих „Записках“ упоминает об этой комедии и делает следующее примечание, повидимому намекая на Н. Д. Офросимову:

„В вестовщице Маремьяне Бабровне Набатовой всякий узнает знаменитую лет сорок сряду законодательницу московских гостинных. Она была воплощенная неблагопристойность, ругала дам в глаза, толкала мужчин кулаками в грудь и во что попало и была грозой женщин зазорного поведения, пока они совершенно ей не покорялись: тогда брала их под свою защиту и покровительство. Поэтому можно посудить о тоне тогдашних московских обществ“.

Потемкин, граф, Сергей Павлович (1787—1858) — внучатный племянник Потемкина-Таврического, московский богач, театрал и дилетант-литератор.

Виельгорский граф Михаил Юрьевич (1788 — 1856) — занимал довольно высокие служебные и придворные должности, но по-настоящему интересовался только музыкой и литературой. В 1810 — 1811 г. был близок к кружку литераторов, собиравшихся у Вяземского (Жуковский, Батюшков, Денис Давыдов, В. Пушкин). В 30 — 40 гг. его салон являлся средоточием литературного и артистического Петербурга. Вяземский писал о Виельгорском:

Всего прекрасного поклонник иль сподвижник,
Он в книге жизни все перебирал листы:
Был мистик, теософ, пожалуй, чернокнижник,
И нежный трубадур под властью красоты.

О гурманстве Виельгорского существовало множество анекдотов.

Комаровский в своих „Записках“, рассказывает: „Предание гласит, что однажды за ужином у императрицы Александры Федоровны Михаил Юрьевич, после особенного внимания, оказанного им венгерскому вину, действующему, как известно, на ноги, вставая из-за стола, покачнулся и неожиданно очутился на четвереньках. Когда Николай Павлович спросил его, что с ним, Виельгорский, подымаясь с пола, совершенно спокойно ответил ему: „Mais rien du tout, sire, je ramassais une épingle (ничего, в. в., я поднял булавку)“. В дневнике Пушкина приводится острога Соболевского о Виельгорском: „Il est du juste milieu, car il est toujours entre deux vins“ [Непереводимый каламбур: он золотая середина (он в хорошем обществе), п., ч. он всегда между двух бутылок].

Россет Александра Осиповна (1809 — 1882) — дочь французского эмигранта, вышедшая в 1832 г. замуж за Н. М. Смирнова, впоследствии калужского и петербургского губернатора. В то время, о котором вспоминает Вяземский, Смирнова только что окончила институт и состояла

фрейлиной императрицы. Знаменитые „Записки“ Смирновой, изданные ее дочерью Ольгой Смирновой (приложение к „Северному Вестн.“, за 1894 г. и отдельное издание (Пб 1895—1897), представляют собой в значительной мере произведение издательницы, и поэтому крайне недостоверны.

Мятлев Иван Петрович (1796—1844) — поэт-дилетант, выработавший к 30-м гг. своеобразную литературную манеру: его стихотворный язык представляет смесь русского с забавно-руссифицированным и переданным русскими буквами французским. В этом же стиле им написана огромная шуточная поэма: „Сенсации и замечания госпожи Курдюковой за границею, дан л'этранже“. При повторном издании поэмы Мятлев поставил на заглавном листе слова:

Не ву плае па?
Не ливе па! [Не нравятся? — не читайте].

В 30-х гг. Мятлев много встречался с Пушкиным и Вяземским; они совместно пишут ряд стихотворений, в роде, который Мятлев определил как „*poésies maternelles*“. При этом Вяземский, в письме к Жуковскому, называет Мятлева „*notre chef d'école*“ [глава школы].

К 1834 г. относится пригласительная записка Вяземского Пушкину, в которой говорится о том, что будет „Мятлев, —

Любевный родственник, поэт и камергер,
А ты ему родня, поэт и камер-юнкер:
Мы выпьем у него шампанского на клюнкер.
И будут нам стихи на матерный манер

(„Клюнкер“ — шуточное название червонца).

Мятлевский стиль был подхвачен литераторами. Так писались стихи и письма Мятлеву; Сеньковскому принадлежат несколько рецензий в „курдюковском“ духе. Гораздо позже, в 1876 г. Вяземский написал небольшую прозаическую сатиру на курортное общество: „Встреча в Ялте“, где в числе действующих лиц — мадам Курдюкова. (VII).

Мятлев придерживался своей манеры и в посланиях к Смирновой

Если чем я вас фаше (1)
Или мебель вам таше (2),
Или на ковер краше (3),
Столик де папье-маше
Пардоне муа ме пеше (4).

Ежели я вас фаше
Тем, что в ваш платок муше (5),
Тем, что на мозоль марше (6),
Тем, что пеньем экорше (7),
Уши, килль фалле буше (8).
Пардоне муа, ме пеше.

Если же за то фаше,
Что плен д'юк амур каше (9),
Дон ле вуаль эт араше (10),
Прековарно же шерше (11),
Ваше сердце де таше . . . (12)
Пардоне муа ме пеше . . .

и т. д.

¹ (1) рассудил, (2) запачкал, (3) плонул, (4) простите мне мои преступления, (5) выморчался, (6) наступил, (7) раздирал, (8) которые пришлось заткнуть, (9) исполненный скрытой любви, (10) с которой сорван покров, (11) я пытался, (12) трюнуть.

Ей же он пишет в прозе: „О вы, мой *rêve*, ибо я реву уже более года весьма частыми приемами о том только что вас, мою короненькую мысль не вижу. О вы, мой реву, *parce que je rêve sans cesse de vous*¹, моя фантастическая дама! О вы, истинная, настоящая мать Курдюковой, ибо вы ее родили: я о вас думал все время, писал ее нашептыванья. О вы, которой одной она посвящена и принадлежит“. (Соч. И. Мятлева М. 1894 г., т. I, стр. 184—185).

Мятлев писал и посредственные лирические стихи. Ему принадлежит стихотворение: „Как хороши, как свежи были розы“, использованное Тургеневым.

139

Жюмини — французский военный писатель. Вяземский намекает на известные стихи Дениса Давыдова „Песня старого гусара“, в которых тот сетовал на „измельчание“ гусарского племени:

А теперь что вижу? Страх!
И гусары в модном свете,
В вид-мундире, в башмаках,
Вальсируют на паркет.
Говорят умней они . . .
Но что слышим от любовов?
„Жюмини да Жюмини!“
А об водке ни полслова.

143

Канкри и граф Егор Францевич (1774—1845) — писатель и выдающийся деятель в области финансовой политики. В течение 20-ти лет (1823—1844) управлял Министерством финансов. Канкри, родом немец, так и не овладел вполне русским языком. Он очень любил вставлять в разговор слово „батушка“ (батюшка).

151

Знаменитой французской актрисе Жорж было 24 года, когда ее в 1808 г. привез в Россию Бенкендорф, тогда молодой офицер, впоследствии знаменитый шеф жандармов и друг Николая I.

Пылаев в „Старом Петербурге“, приводит характерную рецензию на выступление актрисы, напечатанную в „Драматическом Вестнике“: „... многие замечали, будто она слишком уже протяжно говорит, даже поет... На этот самый случай фернейский драматург (то-есть Вольтер) пишет, чтобы отнюдь не произносить стихи как прозу; он даже бранит тех, которые дерзают сей язык великих людей унижать обыкновенным выговором“. Актриса Жорж прославилась не только своей артистической деятельностью, но и своей связью с Наполеоном I.

154

Белосельский-Белозерский, князь, Александр Михайлович (р. 1752) — при Екатерине II русский посланник в Дрездене и в Турине. Сам литературный дилетант, Белосельский был в дружеских отношениях со многими современными литераторами.

² Потому что я беспрестанно мечтаю о вас. Игра слов, основанная на созвучности русского реву и французского *rêve* (мечта).

А. И. Тургенев принадлежал к замечательной в истории русского просвещения семье. Отец Тургеневых был известный своей образованностью масон, сосланный Екатериной II в связи с делом Новикова. Из его сыновей, кроме А. И., известны Николай Иванович, декабрист и выдающийся писатель по вопросам политической экономии, и рано умерший Андрей Тургенев, поэт, друг Жуковского. А. И. Тургенев служил некоторое время при министре исповеданий А. Н. Голицыне, занимая пост директора департамента по делам иноверцев.

Карамзин, умирая, указал Николаю I на Блудова как на человека, которому можно довериться. Блудов был назначен секретарем следственной комиссии по делу декабристов. Им был составлен доклад, легший в основу судебного процесса.

Николай Иванович Тургенев, находившийся во время восстания за границей, был осужден заочно и, в виду его отказа вернуться в Россию, приговорен к смертной казни — ему пришлось навсегда остаться в Париже. Н. Греч, ненавидевший Блудова и крайне к нему пристрастный, писал в своих воспоминаниях: „Обвинение его и осуждение его произошли от легкомыслия, бестолковости и — *tranchons le mot* [скажем прямо] — глупости Блудова, который, может быть, увлекся и желанием явить свое беспристрастие — беспощадностью к брату бывшего его друга и сопольщика в храме святого Карамзина. Летом 1826 г. ... шел я в светлую полночь по Невскому проспекту. Вижу: идут по другую его сторону Александр Тургенев и Блудов, взявшись под руки. Александр смотрит Блудову в лицо с выражением недоумения, боязни и печали. Блудов в глубоком трауре и в плерезах размахивает правою рукою и говорит что-то с жаром“.

В 1839 г. Тургенев пишет Вяземскому о Жуковском: „Пусть другие осуждают его за то, что жмет окровавленную руку Блудова: я вижу в этом одну лень ума или сон души, а не равнодушие“.

С. — очевидно, Екатерина Александровна Свербеева (ум. 1892 г.), жена Д. Н. Свербеева, автора известных „Записок“. В нее был влюблен А. И. Тургенев.

Вяземский намекает на пушкинскую надпись к портрету Чаадаева:

Всевышней волею небес
Рожден в оковах службы царской,
Он в Риме был бы Брут
В Афинах — Периклес,
А здесь он — офицер гусарский.

В обоих отрывках речь идет об убийстве Павла I (11-го марта 1801 г.). Событие это, как известно, вызвало со стороны петербургского населения довольно откровенные проявления радости.

В 1843 г. А. И. Тургенев пишет Вяземскому:

„Правда ли, что французский лежмитимист на вопрос, что он делает в Петербурге, отвечал: *J'ai fait la cour à une dame de la sixième classe a la quatorzième ligne* [я ухаживал за дамой шестого класса, на четырнадцатой линии]. А чин, чай, ши — принадлежность трех классов народа русского: дворян, мещан, крестьян“.

В „Записных Книжках“, не печатавшихся при жизни Вяземского, имеются варианты, прямо вскрывающие имена действующих лиц: „В одно время с появлением статьи моей о подписке на сооружение памятника Крылову вышла и статья Булгарина о Крылове, где он, между прочим, меня ругал. Рикорд, повстречавшись со мною на Невском проспекте, сказал мне: „Благодарю вас, князь, за вашу прекрасную статью, славно написана, но спасибо и Фаддею, мастер писать, славно написал“.

И в другом месте: „Греч, во весь обед у Дмитриева в Москве, рассказывал анекдоты о Булгарине и не весьма выгодные для чести его и после каждого — „да не подумайте, что он подлец, совсем нет, а урод, сумасброд; да не подумайте, что он злой человек, напротив, предобрая душа, а урод“.

Отношения Греча с Булгариным были сложны. Всю жизнь сотрудничая с Булгариным, Греч неизменно старался себя выгородить, подчеркнуть свою „непричастность к булгаринским проделкам“. В своих „Записках“ он не пощадил покойного друга, которого, между прочим, называет „польским псом“. „Признаюсь, — писал Греч, — если бы я знал, каков Булгарин действительно, т.-е. каким он сделался в старости, я ни за что не вошел бы с ним в союз... Когда я убедился в возрастании недружелюбия, зависти и злобы в Булгарине, надобно было бы расторгнуть нашу связь, но от нее зависело благополучие моего семейства“. Греч особенно старался подчеркнуть, что „порядочные“ литераторы не смешивали его с сотрудником: „На меня Пушкин дулся недолго. Он вскоре убедился в моей неприкосновенности к штукам Булгарина и, как казалось, старался сблизиться со мною“.

О взаимном восхвалении говорит Вяземский в статье 1925 г.: „Письмо в Париж“: „В самом деле, если г-ну Булгарину не удастся затмить славу всех русских писателей, бывших и существующих, то виноват тому не г-н Греч: по его мнению, г-н Булгарин приносит честь не только России, но мог бы принести честь и Франции, и Германии своими литературными дарованиями. Хотя и почитаю себя хорошим патриотом, но в этом случае желал бы счастья Франции и Германии“.

Оба момента в отношениях „братьев-разбойников“ отмечены также в полемических заметках Пушкина 1830—31 г. В статье „Торжество дружбы“ он писал: „Посреди полемики, раздирающей бедную нашу словесность, Николай Иванович Греч и Фаддей Венедиктович Булгарин более десяти лет подают утешительный пример согласия, основанного на взаимном уважении, сродстве душ и занятии гражданских и литературных. Сей назидательный союз ознаменован почтенными памятниками. Фаддей Венедиктович скромно признал себя учеником Николая Ивановича; Николай Иванович поспешно провозгласил Фаддея Венедиктовича своим товарищем; Фаддей Венедиктович посвятил Николаю Ивановичу „Дмитрия Самозванца“; Николай Иванович посвятил Фаддею Венедиктовичу свою „Поездку в Германию“; Фаддей Венедиктович написал для „Грамматики“ Николая Ивановича хвалебное предисловие; Николай Иванович в „Северной Пчеле“ (издаваемой гг. Гречем и Булгариным) напечатал хвалебное объявление об „Иване Выжигине“. Единодушные истинно трогательные“.

А в следующей статье Пушкин пишет, намекая на Греча: „Я человек миролюбивый, но всегда готов заступиться за моего друга; я не похожу

на того китайского журналиста, который, потакая своему товарищу и в глаза выхваляя его бредни, говорит на ухо всякому: „этот пачкун и мерзавец ссорит меня со всеми порядочными людьми, марает меня своим товариществом; но что делать, он человек деловой и расторопный“.

179

Г л и н к а Сергей Николаевич (1775—1847), известный своими чудачествами, издатель патриотического „Русского Вестника“. Ненависть к наполеоновской Франции сблизила Глинку с „славянороссами“ (шишковцами). В „Доме сумасшедших“ Воейков написал о нем:

Нумер третий: на лешанке
Истинь Глинка восседит;
Перед ним „дух русский“ в склянке
Не закупорен стоит.

Любопытно, что, со свойственной ему наивностью, Глинка, приняв зубоскальство Воейкова за чистую монету, в своих „Записках“ говорит по этому поводу: „Не безделица быть сторожем духа народного. Но я на себя этого не брал, а просто вникал в дух народный“.

Вигель сообщает следующий случай, относящийся к его посещению Москвы вскоре после 1812 г. „Хозяина моего... посетили две пожилые девицы... С гневом рассказывали они, как работающий на них женский портной, дабы попасть в моду, принял французское название и на вывеске своей поставил. А жу р; как в негодовании своем поехали они сами к нему и объявили, что если не смазает он ненавистного прозвища, то они донесут о том Сергею Глинке. Нравственное могущество этого человека было еще так велико, что испуганный портной исполнил их требование“.

187

В „Записках“ Дмитриева читаем:

„Везде и непрестанно внимание его (Державина) было обращено к поэзии... раз заметил я, что он за обедом смотрит на разварную щуку и что-то шепчет; спрашиваю тому причину. „А вот я думаю, — сказал он, — что если бы случилось мне приглашать в стихах кого-нибудь к обеду, то при исчислении блюд, какими хозяин намерен подчевать, можно бы сказать, что будет „и щука с голубым пером“; и мы через год или два услышали этот стих в его послании князю Александру Андреевичу Безбородко“. (Соч. Дм. Пб. 1833 г., т. II, стр. 37).

188

Г о л и ц ы н а, княгиня, Евдокия (Авдотья) Ивановна, рожд. Измайлова (1780—1850). По настоянию Павла I была выдана замуж за бесцветного во всех отношениях Сергея Михайловича Голицына, бывшего потом куратором (попечителем) Московского университета.

Пушкин посещал салон Голицыной тотчас по вступлении в свет в 1817—1819 гг. К ней относятся два стихотворения: известный „Мадригал“ 1817 г., оканчивающийся строками:

Отечество почти я ненавижу,
Но я вчера Голицыну увидел —
И примирен с отечеством моим.

И посвящение оды „Вольность“:

Простой воспитанник природы,
Так я, бывало, воспевал
Мечту прекрасную свободы
И ею сладостно дышал
Но вас я вижу, вам внимаю
И что же... Слабый человек...
Свободу потерял навек,
Неволю сердцем обожаю.

В письме из Одессы 1823 г. к А. И. Тургеневу, Пушкин спрашивает: „что делает поэтическая, незабвенная, конституциональная, антипольская, небесная княгиня Голицына...“

Вяземский в воспоминаниях смягчил то ироническое отношение, которое несомненно существовало у него и его близких по отношению к княгине во втором, „метафизическом“, периоде ее жизни.

Уже в 1825 г. А. И. Тургенев пишет Вяземскому: „Небесная физика совсем исказила ум ее и даже небесное ее личико. Все говорит о точке, о протяжении, о движении... С мужем была бы она иначе“.

А в 1844 г. он же пишет из Парижа: „Вчера заехал я к княгине Авдотье Ивановне Голицыной в три часа. Она еще не вставала, но выслала с девушкой рюмочку троицкой святой воды, которую я выпил с должным чувством; потом явилась, и подали утренний чай. На столе нашел я несколько экземпляров. „De l'analyse de la force, par m-me la princesse Eudoxie Golitsine née Ismailoff. Premier partie du 1—r livre“ [Анализ силы. Княгиня Евдокия Голицына, урожденная Измайлова. Первая часть первого тома.] с эпиграфом русским: „Ангел Господень ополчится окрест боящихся его и избавит их“. Paris 1844 г. 42 страницы... Она не хотела давать мне экземпляр, но я унес и посылаю в Москву. Совершенное сумасбродство!“

Князь М. П. Долгоруков был убит в сражении со шведами в 1809 г. двадцати семи лет от роду.

189

Греч в своих „Записках“ также приводит почтовый анекдот павловских времен, относящийся к тому же Пестелю: „Однажды призывают его к императору. Павел в гневе говорит ему: „— Вы, сударь, должны брать пример с вашего брата: он удержал одну иностранную газету, в которой было сказано, будто я велел отрезать уши мадам Шевалье, а вы ее выпустили в свет. На что это похоже?“ Пестель отвечал не смутившись: „— Точно выпустил, государь, именно для того, чтобы обличить иностранных вралей. Каждый вечер публика видит в театре, что у ней уши целы, и, конечно, смеется над нелепою выдумкой!— „Правда! я виноват. Вот, — сказал Павел (написав несколько слов на лоскутке бумаги об отпуске из кабинета бриллиантовых серег на 6.000 р.), — поезжай в кабинет, возьми серьги, отведи к ней и скажи, чтобы она надела их непременно сегодня, когда выйдет на сцену“.

191

Андрей Кириллович Разумовский был любовником первой жены Павла I, в. к. Натальи Алексеевны. Н. А. приехала в Россию в 1773 г., а в 1776 умерла. После ее смерти Екатерина показала Павлу письма, открывшие ему характер отношений, существовавших между его женой и Разумовским.

В рассказах Яньковой несколько иначе передается история с признанием брака гр. Разумовской:

„За ужином государь обратился к ней с каким-то вопросом; она отвечала, и потом, слышу, она спрашивает вполголоса у своей соседки по французски:

— Вы слышали, что государь меня назвал графиней?

— Да, как же...

— Вы хорошо слышали?

— Конечно, боже мой, слышала...

— Так он меня назвал графиней? Ах, слава богу, слава богу“...

Свербеев в своих воспоминаниях писал о ней: „В ней была одна слабость — до глубокой старости молодиться не по летам... Проезжала она через Берн, ей и тогда было за 50, а на французском паспорте... выставлено было 37. Гр. Разумовская, Мафусаил женского рода, умерла недавно, прожив более 90 лет и до последнего дня принимала у себя все петербургское общество. Семидесятилетняя, тешила она иногда искренно ее любившего Николая Павловича, танцуя с ним на маленьких вечерах у императрицы казачий танец „Мятелицу“ вроде нашей барыни или пляски в присядку“.

192

Перовский Алексей Алексеевич (1787—1836), незаконный сын графа Алексея Кирилловича Разумовского.

С середины 20-х годов выступил в литературе, под псевдонимом Антония Погорельского, с рядом фантастических повестей, навеянных поздним немецким романтизмом. С 1830 по 33 год печатает роман „Монастырка“, пользовавшийся в 30-х и 40-х гг. большой популярностью.

Проктопович-Антонский Антон Антонович (ум. 1848 г.), писатель и педагог, в течение многих лет стоявший во главе Московского благородного университетского пансиона, из которого вышли выдающиеся деятели русской культуры — Жуковский, Тургеневы, впоследствии Шевырев и др.

193

Впоследствии Вяземский следующим образом характеризовал В. А. Пушкина, только-что возвратившегося из путешествия за границу:

„Парижем от него так и веяло. Одет он был с парижской иголочки с головы до ног, прическа à la bitus, углаженная, умащенная древним маслом, huile antique. В простодушном самохвальстве давал он дамам обнюхивать голову свою... Дмитриев говаривал о нем, что он кончит тем, что будет дружен с одними грудными младенцами, потому что, чем более стареет, тем все более сближается с новейшими поколениями...“

Вигель описывает наружность тридцатилетнего В. А.: „Сам он был весьма не красив: рыхлое, толстое туловище на жидких ногах, косое брюхо, кривой нос, лицо треугольником, рот и подбородок à la Charles Quint, а более всего редющие волосы не с большим в тридцать лет его старообразили. К тому же беззубие увлаживало разговор его, и друзья внимали ему хотя с удовольствием, но в некотором от него отдалении“...

К бесчисленным дружеским шуткам по адресу В. А. Пушкина принадлежит, изданное в 50-ти экземплярах и не поступившее в продажу произведение И. И. Дмитриева. „Путешествие N. N. в Париж и Лондон.“

Писанное за три дни до путешествия. В трех частях. Москва, в типографии Платона Бекетова. 1808“.

В нем между прочим читаем:

Друзья! Сестрицы! Я в Париже!
Я начал жить, а не дышать!

.....
Я видел корпус Мамелюков,
Спеса, Вестриса, Мерсье,
Мадам Жанлис, Виже, Пикара,
Фонтана, Герля, Легуве,
Актрису Джорж и Фиене;
Все тропки знаю бульвара;
Все магазины новых мод,
В театре всякий день, отложе
В Тиволи и Фраскати, в поле
Как весело! какой народ!

.....
Я ввек себя от восхищенья!
В каких явлюсь к вам сапогах!
Какие фрак! Панталоны!
Всему новейшие фасоны!
Какой прекрасный выбор книг!

В. А. Пушкин был убежденным и ревностным карамзинистом; он всегда гордился тем, что один из первых открыл полемику против шишковцев и „Беседы“ своим посланием к Жуковскому (1810 г.), где между прочим писал:

Кто мыслит правильно, кто мыслит благородно,
Тот изъясняется приятно и свободно.
Славянские слова таланта не дают
И на Парнасе они поэта не вудут.

Шаховской, осмеявший Карамзина в комедии „Новый Стерн“ (1806) и Жуковского в „Липецких водах“ (1815 г.), напечатал в „Чтениях“ Беседы (1811—1815 г.) героикокомическую поэму „Расхищенные шубы“, в которой нотариус Спондей говорит стихами, явно пародирующими послание В. А. к Жуковскому.

Вяземский уделял Шаховскому много внимания. Укажу еще на появившееся в 1815 г. „Письмо с Липецких вод“, где действующими лицами являются персонажи комедии Шаховского, а в конце на воды приезжает и автор. „Лечиться от болезни, с которой греков познакомил Зоил и которая... иссушила его мозг и волосы... Но опаливши мозг, всего распучила... Медики называли его болезнь желчною горячкою... водяная разлилась не только по его телу, но размыла и нравственные способности, и произведения его ума были более смесью не воды, подлитой желчью, но желчи разведенной водою... В пребывании своем в Липецке затеял он маскарад в пользу разоренных книгопродавцев, против которых за себя и за братью свою считал себя виновным.

В маскараде вышел он... навьюченный шубами и т. д.“
Впоследствии герои знаменитой полемики вспоминали о ней добродушно. В 1823 г. Вяземский пишет Тургеневу:

„На днях встречается а Английском клубе Василий Львович, Дмитриев и Шаховской. — „Кажется Василий Львович приятель с князем, — говорит Дмитриев, — а не он ли сказал:

Я злого Гашпара [прозвище Шаховского] убил одним стихом.

— Да я за вас же и за Николая Михайловича [Карамзина] вступаюсь, — отвечает Пушкин. — Дмитриев: „Как за меня?“ — Василий Львович: „Шаховской, скажи правду: помнишь ли, как я от тебя ушел с головною болью и поклялся, что нога моя уже не будет у тебя. Мы спорили об Иване Ивановиче. Ты говорил, что Дмитриев не умел в баснях разнообразить язык и что заяц не говорит у него по-заячьему, а галка по-галочьему. По несчастью, я не был свидетелем этой сцены, но дорого заплатил бы за место“.

Арзамасцы, избирая В. А. Пушкина, который был на много старше их всех, присвоили ему звание „арзамасского старосты“. Кроме того, ему было дано прозвище „Вот“. По этому поводу М. Дмитриев рассказывает следующий анекдот: „Василий Львович, едучи из Москвы, написал эпиграмму на стационарного зрителя и мадригал его жене. И то и другое он прислал арзамасцам; и то и другое было найдено плохим и Пушкин разжалован из имени Вот; ему дано другое — „Вотрушка“. В. А. чрезвычайно огорчился и упрекнул арзамасцев дружеским посланием... По рассмотрении послания оно было найдено хорошим... и Пушкину возвращено было прежнее Вот и с прибавлением — я вас, то есть Вот я вас — *Virgilio* *quos ego*. Пушкин был от этого в таком восхищении, что ездил по Москве и всем это рассказывал“.

(„Мелочи из запаса моей памяти“, стр. 89—90).

В. А., автор многочисленных, в карамзинистском духе написанных песен, посланий, басен, мадригалов и проч., для потомства остался автором шуточной поэмы „Опасный сосед“, в которой описываютсяхождения „автора“ и его соседа в публичном доме, заканчивающиеся дракой и вмешательством полиции. Написанный в 1811 г., „Опасный сосед“ по цензурным условиям не мог быть напечатан в России на всем протяжении XIX в., но расходился в списках и пользовался широкой известностью в литературных кругах. Герой поэмы Буянов сделался классическим литературным типом трактирного кутилы и скандалиста.

Реминисценции из „Опасного соседа“ многочисленны в тогдашней шуточной литературе. Пушкин ввел Буянова в пятую главу „Евгения Онегина“, где он появляется в числе гостей Татьяны.

Мой брат двоюродный Буянов,
В пуху, в картузе с козырьком,
(Как вам, конечно, он знаком).

Здесь Пушкин намекает на первые строки поэмы своего дяди:

... Буянов мой сосед
Имени свое пропивший в восемь лет
С дыганками, б... в трактирах с плясунами,
Пришел ко мне вчера с пестрыми усами,
Растрепанный, в пуху, в картузе с козырьком;
Пришел, и понесло повсюду кабаком.

Это произведение Пушкина получило высокую оценку. В 1811 г. Батюшков пишет Гнедичу, цитируя „Опасного соседа“: „Панкратьевна, садись! Целуй меня, Барюшка! Дай пуншу! Пей дьячок!“ — И началась пирушка“. „Вот стихи! Какая быстрота! Какое движение! И это написала вялая муза Василия Львовича“...

И в другом письме: „Ты прав: сатира Пушкина есть произведение изящное, оригинальное, а он сам еще оригинальнее своей сатиры. Вязем-

ский, общий наш приятель, говорит про него, что он так глуп, что собственных своих стихов не понимает“.

Впоследствии А. С. Пушкин в письме к Вяземскому выразился о творениях дяди: „Все они вместе не стоят Буянова“.

Остроту, приписанную в издательском примечании к „Речам“ Буянову, следует отнести за счет Вяземского. В собрание его сочинений включена эпиграмма:

С какою легкостью свободной
Играешь ты в стихах природой и собой,
Ты в Шубах, Шутовской, холодный,
В Водах ты, Шутовской, сухой.

Вяземский приводит шесть речей. В той редакции записи, которая была помещена в „Русском Архиве“ (1876 г., кн. I), каждая из речей имела заголовок:

1. Речь „Светланы“ члену „Вот“, лежащему под шубами.
2. Речь „Резвого кота“ члену „Вот“, стрелявшему в чудище.
3. Речь члена „Чу“ при целовании Софы.
4. Речь Кассандры.
5. Речь Асмодея при заключении всех испытаний.
6. Речь члена „Вот“.

194

Здесь Вяземский касается вскользь отношений, по существу очень сложных. В 1823 г. Вяземский, работавший тогда над „Известием о жизни и сочинениях И. И. Дмитриева“, принял участие в полемике вокруг Дмитриева и Крылова, при чем на этот раз занимал позицию правоверного карамзиниста и апологета Дмитриева, чем был крайне недоволен Пушкин. В ноябре 1823 г. Пушкин пишет Вяземскому (черновое письмо): „О Дмитриеве спорить с тобою не стану, хоть все его басни не стоят одной хорошей басни Крылова, все его сатиры — одного из твоих посланий, а все прочее — первого стихотворения Жуковского. Сказки писаны в дурном роде, холодны и растянуты. Ерм(ак) такая дрянь, что мочи нет. По мне, Дмитриев ниже Нелединского и сто крат ниже стихотворца Карамзина. Хорош русский поэт, *poete de notre civilisation* [поэт нашей цивилизации]! Хороша и наша *civilisation*! Грустно мне видеть, что все у нас клонится бог знает куда, ты один мог бы прикрикнуть налево и направо, порастрясти старые репутации, приструнить новые и показать им часть истины, а ты покровительствуешь старому врагу“...

В следующем году Пушкин пишет: „Грех тебе унижать нашего Крылова. Твое мнение должно быть законом в нашей словесности, а ты по непростительному пристрастию судишь вопреки своей совести и покровительствуешь чорт знает кому“.

И в следующем письме: „Повторяю тебе перед евангельем и святым причастием — что Дмитриев, несмотря на все старое свое влияние, не имеет, не должен иметь более весу, чем Херасков или дядя В. А.“

Отголосок того же спора находим в письме 1825 г. Вяземского к Пушкину: „Твоя статья о Лемонте очень хороша... Но что такое за предствительство Крылова? Следовательно и Орловский представитель русского народа. Как ни говори, а в уме Крылова есть что-то лакейское: лукавство, брань из-за угла, трусость перед господами — все это

перемешано вместе. Может быть тут и есть черты народные, но по крайней мере не нам признаваться в них... И ж... есть некоторое представительство человеческой природы, но смешно же было бы живописцу ее представить как типическую принадлежность человека. Назови Державина, Потемкина представителями русского народа, это дело другое; в них и золото и грязь наши *par excellence* [по преимуществу]; но представительство Крылова и в самом литературном отношении есть ошибка, а в нравственном, государственном даже и преступление *de lèse — nation* [оскорбление нации], тобою совершенное".

195

В другом месте „Записных Книжек“ имеется вариант: „На днях прочитал книгу молодого Адлерберга: „Из Рима в Иерусалим“. Ничего. Я очень люблю это простосердечное русское выражение. Иван, какова погода? „Ничего-с!“ Ямщик, какова дорога? „Ничего-с!“ Что, каков ваш барин, хорошо ли вами управляет? „Ничего-с“.

203

Шишков умер в апреле 1841 г.

Вяземский намекает на знаменитое полемическое сочинение Шихкова, „Рассуждение о старом и новом слоге“ (1808), направленное против карамзинистских принципов, разговорного, легкого слога, не чуждающегося заимствований из иностранных языков.

Карамзин был действительно плохо приспособлен к сочинению манифестов. Его манифест о воцелении на престол Николая I показался не то слишком „чувствительным“, не то свыше всякой меры восхваляющим покойного Александра. Во всяком случае, манифест был забракован даром и составление нового поручено Блудову.

„Записки“ Шихкова (первое полное издание, Берлин 1870 г.) сосредоточены по преимуществу на двух моментах: служба при Павле I и служба в 1812 г. при Александре, который прикомандировал его к своей главной квартире и повсюду возил за собой для составления манифестов и приказов.

Неожиданным назначением (Александр не любил упрямого и резкого Шихкова) он был обязан своей репутации ненавистника французов, и охранителя чисто русских литературных и бытовых устоев.

Приказ по армиям и рескрипт Салтыкову, подписанные в один и тот же день, были ответом на переход войсками Наполеона русской границы и означали объявление войны.

„Бессмертные слова“, которые цитирует Вяземский, повторялись в 12-ом году повсюду. Считалось, что они вырвались у Александра в минуту патристического воодушевления. Между тем Вяземский, по крайней мере в 50-х гг., когда он читал „Записки“, повидимому, не сомневался в том, что фраза принадлежит Шихкову. У позднейших редакторов сочинений Шихкова были основания предполагать, что Шихков, посвящая первое издание Записок Николаю I, счел нужным „уступить“ знаменитые слова Александру.

В начале кампании 1812 г. Александр I, не принимая на себя верховного командования, все время однако находился при армии и как бы контролировал действия военачальников. Шихков, как и другие лица, занимавшие по отношению к Наполеону позицию крайней непримиримости,

считали такое положение вредным для дела, т. к. присутствие императора связывало главнокомандующего и создавало почву для всевозможных интриг. С другой стороны приходилось учитывать самолюбие и мнительность Александра, увлеченного в это время личным соперничеством с Наполеоном и втайне мечтавшего о славе полководца. Наконец Шихков отважился написать письмо, в котором подробно доказывал необходимость присутствия императора в столицах. Там же говорилось, что для наследственного монарха не существует необходимости начальствовать своими войсками, какая существует для Наполеона, который „не рождением, но случаем и счастьем взшел на престол“.

В „Записках“ Шихкова Толстой не упоминается в числе участников этого дела. Кроме Шихкова письмо подписали обер-полицмейстер Балашов и Аракчеев.

Об участии последнего граф Комаровский рассказал следующий анекдот: „Когда Шихков и Балашов представляли гр. Аракчееву, что необходимо государю ехать в Москву и что это единственное средство спасти отечество, гр. Аракчеев возразил: „Что мне до отечества! Скажите мне, не в опасности ли государь, оставаясь долее при армии“. Они ему отвечали: „Конечно, ибо если Наполеон атакует нашу армию и разобьет ее, что тогда будет с государем? А если он победит Барклая, то беда еще не велика“. Это заставило Аракчеева идти к государю и упрямить его величество на отъезд из армии. Можно сказать, что душа и чувства гр. Аракчеева были совершенного царедворца и чужды любви к отечеству“. („Р. А.“, 1867 г., стр. 774).

204

Убийца Пушкина, барон Дантес, был после роковой дуэли исключен из русской службы и, как иностранец, выслан за границу. Он с успехом служил во Франции и во время второй империи занимал сенаторский пост.

В 1841 г. племянница Наполеона I, Матильда, вышла замуж за русского богача Анатолия Николаевича Демидова, который стал называться князем Сан-Донато, по названию купленного им княжества.

206

В 1841 г. состоялась свадьба старшего сына Николая I, в. к. Александра Николаевича (впоследствии — имп. Александр II), в ожидании которой народ питал надежды на какие-то необыкновенные „милости“.

Запись эта сделана в начале 40-х гг. За 20 лет до того Вяземский был много решительнее в вопросе об освобождении крестьян. Упоминаемый здесь проект есть повидимому тот самый проект, в составлении которого он принимал ближайшее участие. В „Исповеди“ Вяземского 1829 г. читаем: „В самый тот приезд мой в Петербург [т.-е. летом 1819 г.] был я соучастником и подписчиком в записке, поданной государю (по предварительному на то его соизволению) от имени графа Воронцова, князя Меншикова и других, в которой всеподданнейше просили мы его о позволении приступить теоретически и практически к рассмотрению и решению важного государственного вопроса об освобождении крестьян от крепостного состояния“.

Несколько государственных деятелей, в том числе Карамзин, уговорили Александра не давать ходу этому проекту.

„Вообще все нападки на Булгарина вертелись на его сношениях с полицией“—писал в своих воспоминаниях о Пушкине Павел Петрович Вяземский. „Я помню, как отец мой потешался, увидав в „Новосельи“ или в сборнике „Сто русских литераторов“ повесть Булгарина, оканчивавшуюся словами: „Я тогда служил в полиции“, и затем подпись: „Фаддей Булгарин“.

К 1845 г. относится, направленное против Булгарина, стихотворение Вяземского:

Важное открытие

Я знал давно, что под Фиглярин,
 Что он поляк и русский сплоснь,
 Что завтра будет он татарин,
 Когда за то ему дать грошь
 Я знал, что пошлый он писатель,
 Что усыпляет он с двух строк,
 Что он доносчик и предатель,
 И мелкотравчатый Видок;
 Чтойна все мерзости он падох,
 Что совесть в нем истертый звяк,
 Что он душой и рожей гадох,
 Но я не знал, что он дурак.

Сказал я как-то мимоходом,
 И раве в бровь, не прямо в глаз,
 Что между авторским народом
 Шпионы завелись у нас,
 Что там, где им изменит сила
 С лица на недруга напасть,
 Они к нему подходят с тыла,
 И за собою тащат в часть.
 Что страшен их не бой журнальный,
 Но что они опасны нам,
 Когда жандарм или квартальный
 В их эпиграммах пополам,
 . . . Он не выдержал ответил,
 И сдуру яко доказал,
 Что хоть в кого бы я ни метил,
 А прямо в лоб ему попал.

Полевой умер в 1846 г. Последнее десятилетие его жизни было во всех отношениях плачевно. В 1834 г. „Московский телеграф“ был закрыт за „неблагонадежное направление“. Даже Пушкин находил, что „мудрено было с большей наглостью проповедывать якобинизм под носом у правительства“. 34 г. знаменует материальный и идеологический крах Полевого. С этого момента он всячески старается замолить грехи перед Николаем I; пишет патристические пьески, вступает в союз с Булгариним и т. д.

Эта запись сделана в разгар борьбы между западниками и славянофилами. В эту эпоху Вяземский был в достаточной мере далек от политического радикализма западников, но ему в высшей степени был свойственен европеизм, отвращавший его от „руссославов“.

Вяземскому всегда было чуждо благоговение перед специфическими началами русского государственного строя.

В 1828 г. он писал А. И. Тургеневу:

„Неужели можно честному русскому быть русским в России? Разумеется, нельзя; так о нем же жалеть? Русский патриотизм может заключаться в одной ненависти России—такой, как она нам представляется. Этот патриотизм весьма переносчив. Другой любви к отечеству у нас не понимаю. . . Любовь к России, заключающаяся в желании жить в России, есть химера, недостойная возвышенного человека. Россию можно любить как «. . .», которую любишь со всеми ее недостатками, проказами, но нельзя любить как жену, потому что в любви к жене должна быть примесь уважения, а настоящую Россию уважать нельзя“.

Правда, эти строки написаны в период крайнего раздражения, когда русское правительство подвергло Вяземского даже по тем временам неслыханному и бессмысленному оскорблению: ему было официально запрещено издавать газету, которую он, впрочем, и не собирался издавать, на том основании, что „его императорскому величеству известно бывшее его поведение в С.-Петербурге и развратная жизнь его, недостойная образованного человека“.

Около того же времени и под теми же впечатлениями Вяземским написано стихотворение:

Русский бог

Бог ухабов, бог метелей
 Бог проселочных дорог
 Бог ночлегов без постелей—
 Вот он, вот он русский бог.

Бог холодных, бог голодных
 Нищих вдоль и поперек,
 Бог имений бездорожных—
 Вот он, вот он русский бог.

Бог пришельцев, иноземцев,
 Перешедших наш порог,
 Бог в особенности Немцев—
 Вот он, вот он русский бог.

Бог всех с Анною на шее.
 Бог лаксеев без сапог,
 Бар, служащих как лаксы—
 Вот он, вот он русский бог.

К глупым полон благодати,
 К умным непомерно строг,
 Бог всего, что есть некстати,—
 Вот он, вот он русский бог.

К 70-м гг. относятся эпиграммы Вяземского на славянофилов:

Славянофильства нет в апостольском учении,
 Но от Аксакова евангелие есть,
 Которым учит нас радеть об избянии
 Всех не-славян, чтоб их славянам в дар принести.

* * *

Нет, я не туркофил и не стою за Порту,
 Но чтоб решить вопрос восточный, вот мой план:
 Всех турков, сколько их ни есть, отправить к порту,
 Но с тем, чтоб и от всех отделаться славян.

Вигель, Филипп Филиппович (1786—1856). Любитель литературы, сам никогда ничего не написавший, кроме своих знаменитых „Записок“, Вигель принимал деятельное участие в литературных расприх 10-х годов и был одним из основателей „Арзамаса“. Приятельские отношения связывали его со многими из тогдашних литераторов, в том числе с Пушкиным, с которым он встречался на юге. Замечательные „Записки“ Вигеля написаны им в последние годы жизни и доведены до 1830 г.

Недоверчивость, которая сказалась в записи Вяземского, разделялась всеми современниками. Вигеля считали чиновником-неудачником, озлобленным карьеристом, которому так и не удалось сделать карьеру. Негодующее письмо, которое он написал московскому митрополиту по поводу Чаадаева, создало ему репутацию доносчика. Соболевскому принадлежит известная эпиграмма:

Ах, Филипп Филиппыч Вигель,
Тяжела судьба твои:
По-немецки ты — Schweinwigel,
А по-русски — ты свинья!
Счастлива дом, а с ним и Фигель,
В кои-то свинства не любя,
Ах, Филипп Филиппыч Вигель,
В шею выгнали тебя.

Перовский Василий Алексеевич (1795 — 1857), боевой генерал, был назначен в начале 30-х гг. директором канцелярии морского штаба. Что касается похода в Хиву, о котором говорит Вяземский, то он состоялся значительно позже, в 1839 г., когда Перовский в качестве оренбургского военного губернатора хотел завладеть Хивой как базой враждебно настроенных киргизов. Климат и недостаток снаряжения заставили отряд Перовского, понесший большие жертвы, вернуться с полутьги.

Вяземский неоднократно возмущался бессмысленностью правительственных назначений:

„Мы слышали, что в Англии, по обычаю истари заведенному, никогда не назначают моряка в первые лорды Адмиралтейства; на этом основании почти на все места назначаются у нас люди посторонние“.

И в другом месте. „Оно (правительство) неохотно определяет людей по их склонностям, сочувствиям и умственным способностям... никогда не назначили бы Жуковского попечителем учебного округа... а если Жуковскому хорошенько бы поинтриговать и просить с настойчивостью, то вероятно переименовали бы его в генерал-майоры и дали бы ему бригаду, особенно в военное время“. Эта тема была глубоко личной для Вяземского, обреченного, во все время царствования Николая I, служить по министерству финансов.

В 1854 г. Вяземский писал, вспоминая своего отца:

Из детства он меня наукам точным прочил,
Не тайно ль голос в нем родительский пророчил,
Что случай — злой колдун, что случай — пестрый шут —
Пегас мой запряжет в финансовый хомут,
И что у Канкрин в мудреной колеснице
Не пятой буду я — а равне сотой — спицей;
Но не могли меня скрывать на свой аршин
Ни умный мой отец, ни умный граф Канкрин.

Долгоруков, князь, Иван Михайлович (1764 — 1823) — состоял в военной службе, был некоторое время губернатором во Владимире. В „Рассказах“ Янковой он характеризуется следующим образом: „Преосвященный Августин отзывался о нем, как о человеке умном и говорил: „Князь Иван Михайлович вельми умен, но не вельми благоразумен“. И точно, он часто увлекался и делал иногда промахи, каких не сделает и человек с посредственным умом. По этой причине он и пострадал, когда был губернатором. Честный и хороший человек, любящий муж и нежный отец, в обществе человек самый приятный, в дружбе очень преданный, и в свое время не последний из писателей, он все имел, чтобы сделать блестящую карьеру, и при этом, как и сам говаривал, никогда не мог выбиться из давки; он всю жизнь свою провел под тяжелым гнетом долгов и врагов. Это потому, быть может, что он был великий мастер на весьма приятные, но ненужные дела, а как только представлялось какое-нибудь дело нужное и важное, точно у него делалось какое-то затмение ума: он принимался хлопотать усердно, хлопотал и все портил и много раз совершенно бы погиб, если бы влиятельные друзья и сильные помощники не выручали его из беды.

„Собою был он очень некрасив, и — мало этого — можно сказать, был даже безобразен; он знал это и чувствовал и очень мило над собою подшучивал: „Мать натура для меня была злой мачехой, от того у меня и была такая скверная фигура, а на нижнюю губу материала она не пожалела и уж такую мне благодатную губу скроила, что из нее и две бы могли выдти, и те не маленькие, а очень изрядные...“ Когда уже перевалило за сорок, — он мало обращал внимания на свой туалет, был очень неряшлив в домашнем быту и с короткими своими“.

В другом месте „Записных Книжек“ Вяземский рассказывает, что Долгорукова за его губу прозвали „Балконом“.

В предисловии, которое цитирует Вяземский, Долгоруков очень сознательно и настойчиво декларирует ту дилетантскую и бытовую поэзию, которая Вяземского так интересовала. Между прочим, он говорит: „Я писал не для образования системы нового вкуса, а собственно для удовольствия своего и тех, кому перо мое нравится... лучшее дело не покупать и не читать книги, которая нехороша, которая не похожа ни на чью, которая не сообразна ни с римскими, ни с греческими древними красотою и проч. и проч. Вот и все! — А сердиться за что?“ Долгоруков поставил на заглавном листе своих сочинений:

Угоден — пусть меня читают,
Противяся — пусть в огонь бросают:
Трубы похвальной не иду.

В книжках Вяземского имеется вариант этого места.

Какой-то англичанин спрашивал Александра Булгакова: „Avez vous des imbéciles en Russie?“ И на ответ его, что как везде и у нас, вероятно существуют дураки: „en ce cas, — возразил он, — pourquoi votre empereur emploie il des imbéciles étrangers, quand il en a de russes?“

Вяземский, по своему обыкновению затушевывает темные или смешные стороны описываемого лица, не упоминает об ироническом отношении, которое существовало в литературном и светском обществе к Хитровой.

Сологуб в своих „Воспоминаниях“ приводит анекдот, который он считает вымышленным, но характерным: „Елизавета Михайловна поздно просыпалась, долго лежала в кровати и принимала избранных посетителей у себя в спальне; когда гость допускался к ней, то, поздоровавшись с хозяйкой, он, разумеется, намеревался сесть. Г-жа Хитрово останавливала его: — „Нет, не садитесь на это кресло, это Пушкина, — говорила она, — нет не на этот диван — это место Жуковского, нет, не на этот стул — это стул Гоголя; садитесь ко мне на кровать: это место всех. („Assayez vous sur mon lit, c'est la place de tout le monde“).

Пушкину приписывалась эпитафия на Хитрову:

Лиза в городе жила,
С дочкой Долинькой.
Лиза в городе слыла
Лизой голенькой:
У австрийского посла
Нынче Лиза en gala
Не попрежнему мила,
Но попрежнему гола.

Вяземский превосходно знал о том, что Хитрово преследовала Пушкина своей привязанностью. В 1830 г. Пушкин писал Вяземскому: „Письмо это доставит тебе Гончаров, брат Красавицы: теперь ты угадаешь, что тревожит меня в Москве. Если ты можешь влюбить в себя Елизу, то сделай мне эту божескую милость. Я сохранил свою целомудренность, оставя в руках ее не плащ, а рубашку (справся у К. Мецкерской), и она преследует меня и здесь письмами и посылками. Избавь меня от Пентефрейки“ и т. д.

241

Повидимому это застольная песнь кружка, собиравшегося в 1810—11 гг. в московском доме Вяземского. Здесь по порядку воспеты: Денис Давыдов, Федор Иванович Толстой, Жуковский, В. А. Пушкин, Батюшков.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН.

- Аксаков, И. С. 31.
Аксаков, К. С. 190.
Аксаков, С. Т. 190.
Актон. 226.
Александр I. 34, 69, 72, 80—1, 84, 86—90, 96, 103, 106, 130, 139, 144—5, 149, 165, 171—3, 183, 195, 203—5, 215, 227—9, 259—60, 264, 285, 300.
Александр II. 260.
Александра Федоровна (жена Николая I). 72, 232.
Алопеус. 272.
Анастасевич. 246.
Андрие. 84.
Андрие, Филис. 84, 122.
Антонский, А. А. 237—8, 277.
Апраксин, В. 72—3, 111, 263.
Апраксина, Е. В. 200.
Аракчеев, А. А. 80, 88.
Армафельд, А. О. 140.
Архаров, И. П. 260.
Архаров, Н. П. 55.
Байрон. 14, 277.
Бакунин (XVIII в.). 45—6, 56.
Балашов, А. Д. 140, 260.
Балк-Полев. 108.
Барков. 57.
Батюшков, К. Н. 11, 17—8, 36, 242, 244, 247.
Безбородко, А. А. 121.
Бек, М. И. 31—2.
Белинский, В. Г. 10, 13, 16, 23, 37, 39, 45—46, 109.
Белосельский. 28.
Бернардот. 92.
Бибиков, А. И. 95.
Блудов, Д. Н. 11, 48, 68, 102, 137, 175—6, 179, 237, 240, 246, 283—4.
Боратынский, Е. А. 19, 21, 45, 163, 191, 251, 254.
Bresson. 79.
Брюллов, К. П. 275.
Буало (Депрео). 14, 83, 143, 250.
Булгаков, А. Я. 94, 180, 184, 282, 297.
Булгаков, К. Я. 184—5.
Булгарин, Ф. В. 20, 22, 39, 84, 265, 283.
Бурдаев. 262.
Бутурлин, Д. П. 101, 127.
Валуева, Е. 31.
Ван-Дейк. 222.
Вергилий. 241, 248.
Вигель, Ф. Ф. 47, 246, 268, 284.
Виллие. 80.
Витгенштейн, П. X. 78.
Витт. 124.
Воейков, А. Ф. 80, 287.
Волков, Ф. Г. 126.
Волконский, П. М. 72, 79—80, 89, 145.
Вольтер. 132, 134, 139, 157, 170, 279.
Востокова. 159.
Вылежинский. 113.